

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Елена МАЛИНОВСКАЯ

ДЕМОН-ХРАНИТЕЛЬ.
СДЕЛКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

Елена Малиновская
Демон-хранитель. Сделка

«Автор»

2012

Малиновская Е. М.

Демон-хранитель. Сделка / Е. М. Малиновская — «Автор», 2012

Никогда не знаешь, какие превратности судьбы тебя ожидают в будущем. Еще несколько дней назад я принадлежала к знатному роду и готовилась к первому выходу в свет. Моей самой большой проблемой был вопрос выбора платья к столь знаменательному событию. А уже сегодня меня едва не приговорили к смерти на костре за занятия запрещенным колдовством. Пришлось бросить дом, семью и бежать в другую страну, спасая свою жизнь. А все из-за того, что однажды я встретила на узкой лесной тропинке симпатичного незнакомца и имела неосторожность разговориться с ним. Впрочем, обо всем по порядку...

© Малиновская Е. М., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Елена Малиновская

Демон-хранитель. Сделка

Часть первая

Знакомство

Было два часа пополудни, когда я решила на побег. Крадучись пробралась мимо комнаты родителей, по дороге подивившись молодецкому храпу моего батюшки, который изволил поживать после сытного обеда, закончившегося всего полчаса назад. Сморил сон и остальных постоянных обитателей дома. Только в обеденном зале хлопотали служанки, убирая тарелки и расставляя стулья после трапезы. Мимо дверей этого помещения я прошла уже не таясь. И рыжая нахалка Ельгия, которая постоянно самым наглым образом перечила хозяевам и была уже неоднократно в наказание за это оставлена без ужина, и тихая, скромная Ольгетта прекрасно знали о моих ежедневных отлучках из дома. Знали они и то, куда я собиралась. Поэтому лишь одобрительно помахали мне рукой и вдвойне засуетились, торопясь окончить уборку. Зуб даю, и часа не пройдет, как они присоединятся ко мне на берегу озера, торопясь закупаться вдоволь, пока остальные домочадцы сладко отдыхают. А я и не против – вместе веселее. Тем более что служанки всего на пару лет меня старше, то есть общих тем для разговоров всегда хватает. Интересно ведь обсудить подальше от ушей грозной воспитательницы, как смуглый черноволосый конюх Ирган накануне многозначительно перемигивался с Ельгией, а деревенский весельчак и балагур Нортон ни с того ни с сего вручил Ольгетте при случайной встрече букет полевых цветов.

Однако у самого порога дома меня поджидало разочарование. Стоило мне только взяться за дверную ручку, как позади раздался свистящий гневный шепот:

– Саэрисса Катарина, куда вы собрались?

Я тихо прошептала ругательство, которому меня накануне научил Ирган. Правда, смысл его ускользнул от моего понимания, было там что-то про собак и их размножение, но, судя по пунцовому лицу конюха и тому, как он умолял меня не выдавать его, если кто-нибудь спросит, откуда я знаю такие слова, это выражение считалось сверхнеприличным.

– Саэрисса, что вы там бормочете себе под нос? – Шепот ощутимо приблизился, и в мое плечо пребольно вцепилась костлявая сухенькая ручка. – Еще раз повторяю вопрос: куда вы собрались?

Я нехотя повернулась и смиренно уставилась себе под ноги, опасаясь даже лишней раз посмотреть на тин Ималию – высокую худощавую старуху, в любую погоду затянутую в строгое черное платье. Не стал исключением и этот день, хотя на улице царила жаркая солнечная погода.

Тин Ималия обучала меня хорошим манерам, правилам этикета и ромалийскому языку, готовя к первому выходу в свет. И я уже выть хотела от этой вездесущей старой карги, на корню пресекающей любые мои забавы. Мол, негоже девушке из знатной семьи носиться по окрестностям, гоняя воробьев и сверкая голыми щиколотками. И уж тем более негоже саэриссе щеголять совершенно неподобающим загаром, который к лицу только крестьянкам. Сейчас в моде изысканная бледность, отдающая в мертвецкую синеву. Мои родители умрут от стыда, вынужденные осенью представить высшему свету какую-то разбойницу и простолюдинку вместо скромной дочери из древнего рода.

Именно из-за нее я каждый день чуть ли не ползком покидала дом. Более чем уверена, что тин Ималия не одобрила бы мои ежедневные купания с последующим загоранием. И даже

страшно подумать, в какой ужас бы она пришла, узнав, что компанию мне в этом занятии составляют служанки!

До сего дня все проходило благополучно. Я сбегала на озеро, где проводила время в свое удовольствие, и ближе к ужину тихонько возвращалась. Но сегодня, по всей видимости, придется остаться в душном, сонном доме и сходить с ума от скуки до вечернего чаепития, по традиции проводившегося на свежем воздухе.

– Саэрисса! – Тин Ималия, и во второй раз не дождавшись ответа на свой вопрос, гневно выпрямилась во весь немаленький рост. Изрядно повысила голос, уже не утруждая себя шепотом, и принялась меня отчитывать, тыча пальцем чуть ли не мне в нос: – Катарина, вынуждена признать: вы мое самое большое разочарование! В ваши годы не пристало помышлять о развлечениях, присущих простолюдинам, но никак не представительницам дворянства. О чем вы думаете, собираясь куда-то без сопровождения слуг или охраны? Вам всего пятнадцать! А вдруг на вас нападут? Вдруг вас похитят или, не приведи небо, убьют? Да что там, у меня язык не поворачивается сказать, что могут сделать разбойники с молоденькой глупенькой девицей, тем более одетой столь... столь развратно!

И она окинула меня таким гневным взглядом, что мне ментально стало жарко дышать. Я смущенно уставилась в пол, нервно разглаживая несуществующие складки на поясе платья. И что ее так возмутило в моем наряде? Ничего не понимаю! Ну да, длиной не в пол, а немного короче, чтобы было удобнее бегать и лазить по деревьям. Но и что из этого? Ельгия порой вообще платья по колено носит, и никто ей ничего не говорит.

Однако здравый смысл подсказал мне, что приводить в пример рыжеволосую нахальную девицу, которая не раз и не два до хрипоты ругалась с Ималией, не самая лучшая идея, поэтому я промолчала. Помнится, в прошлую свою ссору со служанкой моя воспитательница так кричала, что я всерьез испугалась, не хватит ли ее удар.

– Я просто хотела прогуляться и собрать полевых цветов, – проблеяла я, разглядывая отскобленные трудолюбивой Ольгеттой половицы и опасаясь лишний раз посмотреть на разъяренную старуху. – Тин, кто на меня тут может напасть? И потом, бегаю я быстро, кричу громко...

– Это не те качества, которыми надлежит гордиться девушке из знатного семейства! – Ималия не оценила мою слабую попытку разрядить обстановку шуткой. Укоризненно зацокала языком. – Извините, саэрисса Катарина, но я буду вынуждена рассказать о вашей выходке родителям. Думаю, ваш проступок заслуживает самого сурового наказания.

Я опустила голову еще ниже, пряча улыбку на губах. Слова воспитательницы меня не напугали, а лишь рассмешили. Да, батюшка никогда не спорил с тин Ималией, когда та жаловалась на мое вопиющее поведение, поскольку сам откровенно побаивался громогласной строгой женщины. Он усердно делал вид, что мне не избежать суровой порки. Кричал, багровея лицом и потрясая над головой кулаками. Обещал выбить из меня всю дурь розгами, после чего запирался со мной в кабинете и угощал засахаренными фруктами, изредка хлеща воздух длинным тонким прутом. При каждом ударе я взвизгивала, словно от боли, но сама при этом давилась беззвучным хохотом. А потом еще целый вечер хмурилась, прихрамывала и отказывалась садиться, чем доставляла невероятное удовольствие Ималии. Только в такие моменты я видела искреннюю улыбку на лице грозной воспитательницы. Она даже добрела на несколько дней, вкрадчиво интересуясь моим самочувствием и притворно сожалея о жестокости моего отца – саэра Алония Валания.

Только одного жаль – что сегодня мне не суждено искупаться и позагорать. Остальное не так уж и страшно. Точнее, вообще не страшно. Отец никогда меня не наказывал, максимум – оставлял без сладкого, да и то всякий раз после этого матушка тайком присылала ко мне служанку с целым блюдом конфет.

– Мне очень жаль, – все же ответила я, стараясь, чтобы это прозвучало как можно более уныло и грустно. – Простите, тин Ималия.

– Простить тебя за что? – оборвал мои извинения тихий женский голос.

Я торопливо обернулась и испуганно всплеснула руками, поскольку позади нас стояла моя матушка – саэра Алисандра. Она уже давно и тяжело болела, поэтому почти не вставала с постели. Но сейчас, видимо, заинтересовалась шумом ссоры и решила узнать, что случилось.

Матушка и раньше гордилась своей стройной талией, которую не испортило рождение двух дочерей, но сейчас она поражала просто-таки неестественной худобой, что не могла скрыть даже просторная ночная рубаха и пеньюар, накинутый поверх. Болезнь выпила из нее все соки, иссушила прежде прекрасное тело, стерла с лица все краски, из-за чего синие глаза, подчеркнутые кругами усталости и бессонницы, казались огромными. Болезнь не пощадила даже волосы. Если раньше ее белокурая коса была в руку толщиной, то теперь на плече матери лежало нечто, более напоминающее крысиный хвостик.

– Саэра Алисандра! – Ималия поторопилась присесть перед моей матерью в реверансе. Гневно сверкнула на меня глазами. – Вот видите, Катарина, до чего довело ваше непослушание! Вы ведь знаете, как плохо чувствует себя ваша мать, а между тем ей пришлось встать, чтобы призвать вас к ответу.

– Я встала потому, что услышала ваши крики, – спокойно парировала моя мать, подарив мне краткую ободряющую улыбку. С некоторым вызовом скрестила на груди руки, хотя было видно, что при этом она с трудом сдержала болезненный стон. – Так что тут происходит, тин Ималия? Почему вы кричите на мою дочь?

– Я не кричу, – несколько уязвленно отозвалась воспитательница. Матушка с показным изумлением вздернула бровь, и она нехотя исправилась: – Возможно, я в самом деле позволила себе немного лишнего, но, уверяю вас, у меня были на то веские основания! Поведение саэриссы Катарина становится все более и более вызывающим! Видимо, на нее оказывает дурное влияние эта несносная девчонка – Ельгия. Саэра, при всем моем уважении, вы слишком мягки со слугами и дочерью. Не понимаю...

– Разве я недостаточно внятно спросила? – оборвала ее рассуждения моя матушка, чуть повысив голос. – Повторю в таком случае. Чем провинилась моя дочь, что вы позволяете себе кричать на нее?

– Я... Я... – Ималия стремительно побагровела.

Я невольно залюбовалась ровным пунцовым цветом ее лица. Давненько ее никто на место не ставил. Видимо, уже забыла, кто на самом деле является в доме истинной хозяйкой.

– Катарина? – смягчив тон, обратилась мать уже ко мне, поняв, что воспитательница пока не в состоянии отвечать на ее вопросы. – Чем ты так разозлила глубокоуважаемую тин?

– Я хотела нарвать полевых цветов, чтобы поставить у тебя в комнате, – сказала я, глядя на матушку до омерзения честным взглядом.

В конце концов, это даже ложью назвать тяжело: я всегда могу собрать букет на озере, а Ольгетта и Ельгия с удовольствием мне в этом помогут, сплавав за самыми красивыми кувшинками.

– Нарвать цветов? – Матушка польщенно заулыбалась. – Очень мило. Но в таком случае я совершенно не понимаю, почему Ималия на тебя так рассердилась. – И перевела испытующий взор обратно на воспитательницу, которая уже немного успокоилась. По крайней мере, нездоровый и нехарактерный румянец схлынул с ее лица, уступив место обычной бледности.

– Саэрисса кралась к выходу, словно задумала что-то нехорошее, – мрачно отозвалась она и обвиняюще ткнула пальцем в мою сторону. – И посмотрите, саэра Алисандра, какое вызывающее платье на ней! Разве в таком ходят на прогулки?

Матушка изумленно хмыкнула, внимательнейшим образом оглядела меня с ног до головы и обратно и пожала плечами, явно не найдя, к чему можно придраться. На мне было скромное синее платье чуть короче положенного.

– Не понимаю, – проговорила она. – Совершенно не понимаю, о чем вы толкуете, тин Ималия. Да, в этом платье неудобно бегать по полям – длинное слишком. Но вы сами в свое время настаивали, чтобы Катарина и думать забыла о более легких нарядах. Хотя, по-моему, в такую жару только их и следует носить.

– Но, саэра! – Ималия аж взвизгнула от подобного заявления. Покачала головой, будто отказываясь верить своим ушам. – О чем вы говорите? Катарина – молодая, привлекательная девушка. Ей нельзя позволять гулять в одиночестве! Мало ли куда и к кому она на самом деле собралась! Как будто я не видела, как давеча она перемигивалась с этим мужланом Ирганом! Будь моя воля – я бы заперла ее в доме и никуда не выпускала до самого замужества! Подумайте, какой позор вы рискуете навлечь на свою семью, если во время первой брачной ночи окажется...

– Достаточно! – с неожиданной злостью рявкнула матушка. Побледнела еще сильнее от накатившей слабости, и я покачнулась к ней, испугавшись, что она вот-вот рухнет в обморок. Однако в последний момент матушка выпрямилась и продолжила с удивительным холодом в тоне: – Тин Ималия, вы позволяете себе слишком много в своих грязных домыслах. Это уже граничит с оскорблением. Не забывайте! Катарина еще ребенок, чтобы подозревать ее в таких мерзостях. – После чего повернулась ко мне и тепло произнесла: – Девочка моя, иди по своим делам. Принеси мне самый большой букет цветов, договорились? А я немного потолкую с тин Ималией.

– Но... – пискнула я, краем глаза заметив, как воспитательница скривилась в злобной гримасе.

– Катарина! – с нажимом сказала матушка, обрывая мои возможные возражения. Попыталась мне ободряюще улыбнуться, однако лишь скривилась от вновь накатившей боли, поэтому продолжила шепотом: – Пожалуйста, Катарина, хоть ты не заставляй меня повторять. Иди туда, куда ты там хотела. Дай мне побеседовать с тин Ималией наедине. И без цветов не возвращайся. Хорошо?

Я присела перед ней в реверансе, быстро чмокнула протянутую на прощание ледяную узкую ладонку и выскользнула во двор, не рискуя больше спорить. Когда я уже закрывала дверь, то услышала, как мать холодно обратилась к Ималии:

– Уважаемая тин, пройдемте ко мне. Мне тяжело стоять и еще тяжелее ругаться, но больше терпеть ваше омерзительное поведение я не намерена. Вы не хозяйка этого дома, ясно?

* * *

Озеро располагалось примерно в миле от дома. Дорога пролегла по лесу, который начинался сразу за калиткой просторного заднего двора, густо заросшего бурьяном и пыльными лопухами. Безобразие, конечно. Раньше за порядком и чистотой следила матушка, которая одним строгим голосом и суровым взглядом могла призвать к ответу распоясавшихся слуг, но ныне, как я уже говорила, она почти не вставала с кровати. А отец, искренне опечаленный ее затянувшейся болезнью, не обращал внимания на подобные пустяки. Он привозил домой лучших целителей и травников из самых далеких деревень, выписал даже новомодного врача из соседней Ромалии – тиана Альвадеса, но все впустую.

Матушка сначала покорно лечилась, принимая все прописанные лекарства и по мере сил выполняя так называемые чудодейственные упражнения для разгона дурной крови. Она пила всевозможные отвары из трав, добавляла в утренний чай несколько капель настоя мухоморов, от чего, кстати, у нее случилось жуткое расстройство желудка, однажды даже сорвала спину,

пытаясь достать затылком пятки, что якобы должно было восстановить связь между душой и телом. Но все было зря. Ей становилось все хуже и хуже. И наконец она взбунтовалась, когда тиан Альвадес, целую неделю после своего приезда употреблявший местную самогонку, чтобы облегчить себе перемену климата, протрезвел и прописал ей неделю пить мочу новорожденного теленка и обматываться на ночь простыней, вымоченной в крови молочного поросенка. Ох, какой же скандал тогда учинила матушка! Никогда в жизни не видела ее такой разъяренной. Даже когда мы с Марион – моей сестрой, которая уже год как вышла замуж и переехала в столицу, разрисовали углем все стены в гостиной. Матушка переколотила всю посуду, которую не успели убрать, кричала, что никогда и ни за что не сделает то, что рекомендовал тиан, пусть даже от этого будет зависеть ее жизнь. А потом рухнула в глубокий обморок, за краткую вспышку гнева израсходовав все свои силы. Глубокоуважаемый врач надулся как сыч и громко заявил, что не желает иметь дело со столь неуступчивой больной, погрязшей в косности и предрассудках, и на следующий же день поспешно бежал из нашего имения. После его отъезда батюшка недосчитался столового серебра, а еще через несколько месяцев из близлежащей деревни явился разгневанный крестьянин, волоча за руку зарезанную девицу, видимо свою дочку, с подозрительно округлившейся талией. При этом он кричал на всю округу о том, что найдет этого смазливом ромалийца и... В общем, я не совсем поняла его дальнейших угроз, а Ирган и Ельгия, более просвещенные в плане ругательств, наотрез отказались объяснять мне смысл этих выражений. Помню только, что в них каким-то образом фигурировали родители ромалийца и некие отношения, в которые мужик обязался с ними вступить.

Так или иначе, но батюшке пришлось щедро заплатить разгневанному крестьянину. И после этого саэр Алоний отказался от идеи найти в какой-либо другой стране врача, способного излечить матушку. По крайней мере, целители, которых он по-прежнему изредка привозил в имение, всего лишь поили матушку травяными отварами, по большей части успокаивающими, и не проповедовали столь радикальных методов лечения.

Я невесело хмыкнула, прибавив шагу. Почему-то накатил страх. Как и обычно, впрочем. Именно в этой низине, расположенной примерно на полпути к озеру, мне всегда становилось не по себе. Даже птицы здесь никогда не пели. Ветви деревьев, покрытые зеленым мхом, спускались почти до самой земли, образуя нечто вроде шатра над узенькой ниточкой едва угадывающейся среди травы тропинки. Казалось, будто из-за плотно сомкнутых стволов кто-то следил за мной недобрым взглядом. Только комары во влажном, душном сумраке чувствовали себя привольно.

Я заторопилась покинуть нехорошее место, но по злой иронии судьбы почти сразу споткнулась о выступающий из земли корень березы, вольготно пролеглий поперек моего пути. С приглушенным вскриком упала, выставив перед собой руки, и зашипела от боли, до крови разбив колени. Более того, разорвала при этом платье, что грозило мне крупными проблемами дома. Вряд ли столь вопиющий случай получится скрыть от тин Ималии. Наверняка она сейчас сильно злится, получив выволочку от моей матери, а значит, при моем возвращении осмотрит меня с ног до головы. И разбитые колени вкупе с грязным платьем послужат более чем достаточным поводом для нового утомительного разбирательства.

Я тихонечко застонала от жалости к себе. Поскольку навредить платью больше при всем желании было уже невозможно, села прямо на землю и задрала подол, осматривая глубокие кровавые ссадины. Ой-ой-ой, даже страшно представить, что меня ждет дома! Ималия наверняка придумает всякие ужасы, которыми я якобы занималась в свое отсутствие. Опять придется краснеть перед отцом. Благо, что он меня и пальцем не тронет, но расстроится. Да и маму лишний раз волновать не хочется.

И я постыдно разревелась, размазывая по лицу слезы грязными после падения ладонями. Что же мне так не везет? Нет, не стоило идти сегодня на прогулку. Верно говорят: если дело не заладилось с самого начала, то не стоит его продолжать.

Я так упоительно и от души плакала, что не замечала ничего на свете. Наверное, именно этим можно объяснить тот факт, что я не услышала чужих шагов. Но вдруг у меня за спиной послышалось осторожное покашливание, и хриловатый мужской голос вежливо осведомился:

– С вами все в порядке?

Я взвизгнула от неожиданности и вскочила на ноги, торопливо опустив неприлично задранный подол. Обернулась и увидела перед собой незнакомого парня. На вид ему было около двадцати. Белая просторная рубаха заправлена в узкие штаны. На ногах – высокие сапоги, заляпанные грязью. Ишь ты, и где только умудрился ее выискать в такую сушь?

Парень встряхнул темной вихрастой шевелюрой и повторил свой вопрос, глядя мне прямо в глаза:

– С вами все в порядке? Я слышал, что вы плакали.

– Я споткнулась, – угрюмо пояснила я. Посмотрела на свое безнадежно загубленное платье и опять скуксилась. – Упала и ушиблась сильно.

– А помимо этого? – Незнакомец слабо улыбнулся, и я невольно залюбовалась необычным зеленым цветом его глаз. – Вас точно никто не обидел?

– Нет, – ответила я, в душе недоумеваю, о чем он говорит. Кто может меня обидеть в нескольких минутах ходьбы от моего родного имения? Да меня любая собака в округе знает. Подумала немного и поспешила представиться, присев в торопливом реверансе: – Саэрисса Катарина Валания.

– Саэрисса? – с непонятной ноткой разочарования протянул парень. – Из рода Валания?

Хотел было что-то добавить, но в последний момент передумал. После чего самым невежливым образом развернулся и отправился восвояси, даже не удосужившись назвать своего имени.

Неполную минуту я ошарашенно смотрела ему вслед, отмечая каждое движение покачивающейся на плече плотно набитой котомки. Наверное, ждала, что произошло какое-то недоумение, он одумается и поспешит вернуться. Потом поняла, что этого не произойдет, и гневно завопила во всю мощь своих легких:

– Эй ты! Что за наглость?

Юноша не обернулся на мой крик. Этого я стерпеть уже не могла. Приподняв платье, я кинулась за ним, сотрясая таинственно притихший лес своими угрозами:

– Ты!.. Как тебя зовут, нахал?! Я пожалуюсь отцу, и он с тебя семь шкур спустит! Не знаешь, что ли, как надлежит общаться с дворянами?

Парень остановился так внезапно, что по инерции я врезалась ему в спину, от чего он, кстати, даже не пошатнулся. А вот я опять чуть не полетела на землю, однако с величайшим трудом удержалась на ногах.

– Ты!.. – От злости у меня перехватило дыхание, поэтому я сорвалась на визг. – Да что ты себе позволяе...

Незнакомый юноша обернулся ко мне так стремительно, что последняя фраза застряла у меня в горле. Неожиданно оказалось, что я стою лицом к лицу с ним и гляжу прямо в глаза, которые сейчас почему-то были совершенно черными, а не зелеными, как раньше.

– Пошла вон, – очень тихо, но разборчиво проговорил он, и у меня по позвоночнику пробежала невольная холодная дрожь. – Слышишь? Саэрисса Катарина, сейчас ты развернешься и отправишься напрямик к себе домой. И никогда в жизни не вспомнишь об этой встрече!

– Еще чего! – больше из вредности возмутилась я.

На самом деле незнакомцу удалось меня сильно напугать. Еще никто и никогда не осмеливался со мной настолько грубо разговаривать. Душу грела лишь мысль, что дом совсем рядом, а бегаю я быстро. Да и не похож был парень на злодея, которыми так любила пугать меня тин Ималия. Однажды мне даже приснилось, что кто-то лезет ко мне в окно с загадочной целью отобрать у меня какую-то честь. Какую именно – воспитательница никогда не уточняла, обхо-

дьясь весьма туманными намеками, а Ирган, когда я при удобном случае у него про это спросила, почему-то залился румянцем и на редкость глупо захихикал. Впрочем, я немного отвлеклась. Так или иначе, но после того, как я в слезах прибежала к матушке и принялась жаловаться на неведомого похитителя таинственной чести, она серьезно поговорила с Ималией, после чего эти беседы прекратились. Я уже успела забыть про них, но сейчас по непонятной причине вспомнила, глядя в черные глаза юноши. Теперь, присмотревшись, я поняла, почему они изменили цвет. Просто зрачки настолько расширились, что заняли почти всю радужку. Интересно, из-за чего такой эффект?

– Какие у тебя глаза странные, – вырвалось у меня. – Как у тебя так получается?

– Что? – переспросил юноша, растерянно моргнув. Он выглядел настолько удивленным, что я невольно возгордилась своей смелостью. Поди, ожидал, что я разрыдаюсь пуще прежнего и кинусь бежать. Пусть выкусит в таком случае! А незнакомец меж тем продолжал, опять устремив на меня немигающий жуткий взгляд, но взяв при этом более вежливый тон: – Саэ-рисса Катарина, идите домой! Немедленно! И никогда не упоминайте о нашей встрече!

– Обойдешься. – Я не удержалась и показала донельзя опешившему парню язык. – Никуда я не пойду, пока ты не объяснишь, почему тут шляешься и чего тебе надо.

Воцарилась тишина, нарушаемая лишь навязчивым жужжанием голодных комаров. Юноша смотрел на меня столь пристально, будто у меня на лбу вырос рог. Не выдержав, я потрогала его. В смысле, потрогала лоб, а не наглого незнакомца. Да нет, все нормально. Тогда чего глазееет, спрашивается?

– Поразительно, – прошептал он себе под нос, выйдя из минутного замешательства. Не обращая внимания на мой возмущенный писк, крепко взял меня за подбородок и развернул лицом к солнцу, которое проглядывалось между плотно сомкнутыми кронами. – Ничего не понимаю! Как тебе удастся блокировать мои ментальные приказы?

– Какие приказы? – Я наморщила лоб от незнакомоего слова, забыв оскорбиться от его своеволия. Хотела повторить вопрос про странную особенность его глаз, но не успела.

Парень вдруг вздрогнул, будто от удара наотмашь. Отпустил меня и стремительно развернулся к глухой стене леса, прислушиваясь. Не знаю, что именно он услышал, только у меня по спине неожиданно промчался таун ледяных мурашек. И незнакомец сорвался с места, устремившись в глухую, напряженную тишину леса, столь вязкую, что ее, по-моему, можно было есть ложками.

– Стой тут! – не оборачиваясь, кинул он мне.

Естественно, я не послушалась, приподняла подол платья, наплевав на все приличия, и рванула за ним, стараясь не потерять из виду его белую рубашку. Наверное, он без проблем оторвался бы от меня, но наш бег прекратился на удивление быстро. Я перемахнула через очередную корягу, преобольно ударила локтем о какой-то сук и вдруг опять едва не врезалась в спину незнакомца. Он стоял, что-то пристально разглядывая.

– Что там? – задыхаясь, выпалила я.

Выскочила вперед и замерла, с жадным любопытством рыская глазами по совершенно пустой полянке и выискивая, что именно могло так заинтересовать юношу. Затем уставилась на огромный валун, расположенный почти по ее центру и покрытый серыми пятнами лишайников. Нахмурилась, разглядев черные огарки свечей, расставленных в непонятном порядке. От них еще поднимались тоненькие струйки дыма, будто их задули прямо перед нашим приходом. Шагнула было к камню, намереваясь рассмотреть все внимательнее, но незнакомец опять повел себя с небывалой наглостью. Он прорычал себе под нос то самое ругательство, которое я накануне услышала от Иргана, и с силой вцепился в мои плечи, останавливая меня и заставляя обернуться к нему лицом.

– Больно! – возмутилась я, сжав кулаки и всерьез собираясь заехать ему по носу, если он позволит себе что-нибудь большее.

– Замри и не шевелись! – с непонятной злостью воскликнул юноша, буравя меня вновь потемневшими глазами. – Ясно?

– Еще чего! – Я раздраженно оттолкнула его. – Кто ты вообще такой, чтобы мне приказывать? Отцу пожалуюсь – он тебе быстро мозги на место поставит. Будь ты даже тиан, все равно не имеешь права так говорить со мной – урожденной саэриссой!

Незнакомец закатил глаза и замычал в немом бешенстве. Затем с настоящим отчаянием посмотрел мне за спину, видимо, на тот самый валун, опять перевел на меня взгляд.

– Хорошо, – неожиданно решился он. Расплылся в лживой приветливой улыбке и изобразил нечто вроде поклона. – Саэрисса Катарина Валания, прошу милостиво простить меня за мои дурные манеры. Я ир Фабион.

Ир? Я удивленно воззрилась на него во все глаза, надеясь, что он рассмеется и признается, что разыграл меня. В жизни не видела магов! Нет, ир, конечно, еще не настоящий маг, всего лишь ученик. Но раз носит эту приставку к имени, значит, получил право самостоятельного ведения дел и набора клиентов. Хм... Интересно, а в какой области он практикует? Если в целебной магии, то, быть может...

Перед внутренним взором опять встало изможденное лицо моей матери. Внезапно вспомнилось, как отец клял на все лады этих напыщенных идиотов магов, не желающих помочь в нашей беде даже за деньги. Мол, ироны не размениваются по мелочам. Разве им есть дело до жизни какой-то женщины? Единственный маг, согласившийся приехать к нам, запросил такую сумму только за первичный осмотр, что отец схватился за голову. Надлежало продать все имение, влезть в непомерные долги, лишь бы расплатиться с ним. И ладно, если была бы уверенность, что он действительно спасет матушку. Но нет, ирон наотрез отказался предоставить любые гарантии. Мол, сначала заплатите, я посмотрю, а уж там объявлю – берусь или нет за лечение. Естественно, в случае отрицательного решения вся сумма оставалась бы ему только за то, что отвлекся от важнейших дел королевства на какой-то пустяк.

– Ир Фабион... – Я торопливо присела в самом глубоком реверансе. – Это такая честь для меня! Скажите, а вы... Вы, случаем, лечить не умеете?

– Лечить? – Парень удивленно хмыкнул, явно не ожидая подобного вопроса в самом начале знакомства. – А с чего вдруг такой странный интерес, саэрисса? Или настолько сильно расшибли колени?

– Моя мать... – Я порывисто вздохнула, сдерживая непрошенные слезы. – Понимаете, ир, она очень, очень больна. Вы не представляете, сколько целителей и врачей у нас перебивало! И ничего! Она все так же угасает прямо на глазах.

– Угасает, говорите. – Фабион задумчиво потер подбородок. Опять посмотрел на валун. – Знаете, Катарина, давайте договоримся. Я исследую эту поляну, а вы подождете меня здесь. Только, чур, мне не мешать и разговорами не отвлекать! Если будете вести себя благоразумно и тихо, то, так и быть, я осмотрю вашу мать. Но не радуйтесь раньше времени. Вполне вероятно, что она уже слишком удалилась по дороге, ведущей в нижний мир.

Я понурилась от его жестокой последней фразы. Это пугало меня в болезни матери сильнее всего. Вдруг все наши старания бессмысленны и ей уже не помочь? Нет, не хочу об этом даже думать! Она поправится, обязательно поправится! Я в это верю, а значит, так и будет!

Фабион дождался моего слабого утвердительного кивка в знак того, что я принимаю его условия, и мгновенно изменился. От невольного испуга и изумления я аж попятилась. Нет, передо мной все так же стоял молодой парень лет на пять меня старше, темноволосый и зеленоглазый. Но вдруг проступило в его облике нечто странное. Черты лица заострились, нос хищно вытянулся, губы сложились в препротивную усмешку.

– А... – растерянно пробормотала я, намереваясь спросить, как же все-таки ему удаются такие фокусы.

Но Фабион лишь искоса мазнул по мне взглядом, и я заткнулась, моментально вспомнив наш уговор. Юноша еще некоторое время стоял рядом, словно ожидая, что я не утерплю и все-таки задам ему какой-нибудь вопрос. Затем, убедившись, что я намерена молчать, довольно кивнул и скользнул на полянку.

Он двигался столь чудно, что я прикусила язык, удерживаясь от новых расспросов. Казалось, будто под его сапогами не пригнулось ни единой травинки – настолько невесомыми были его шаги. Но перед каждым ученик мага еще надолго замирал, прислушиваясь к чему-то, мне неведомому, и продолжал путь лишь через несколько секунд, а то и минут. При всем этом Фабион шел не напрямик к камню, а кружил по загадочной траектории, то приближаясь к конечной цели своего путешествия, то отдаляясь от нее.

Я присела на ближайший пенек, с замиранием духа следя за парнем. Все-таки интересно, почему он так идет? Неужели ему доставляет удовольствие петлять по поляне самым причудливым образом? Вот только что был всего в шаге от камня. Нет, развернулся и отправился в противоположном направлении. Зачем?

Внезапно неестественная тишина леса, по-прежнему царившая вокруг нас, надавила на уши. На меня навалилось непонятное оцепенение. Веки стали настолько тяжелыми, что держать их поднятыми не представлялось возможным. Я медленно закрыла глаза и тут же распахнула их вновь. Потому как совершенно отчетливо разглядела лабиринт раскаленных нитей, пролегших по поляне. Именно из-за них Фабион все еще не достиг валуна. Он не мог переступить или задеть ни одной из них, поэтому был вынужден петлять. А еще я отчетливо поняла, что ученик мага видит лабиринт намного хуже меня. Иначе не проходил бы некоторые участки несколько раз кряду, не замечая узеньких проходов, ведущих к цели.

– Правее! – не выдержав, подсказала я, когда парень чуть было не свернул в неправильном направлении, собираясь зайти на новый бессмысленный круг. – Приглядишься! Там нужный тебе поворот.

И тут же пожалела о своей несдержанности. Фабион едва не оступился, вряд ли ожидая от меня подсказки. Принялся опасно балансировать на одной ноге, другой почти касаясь нити. Я замерла, от страха не смея даже вздохнуть. Нет, я не знала, что за лабиринт он пытается преодолеть, но что-то подсказывало мне, что ошибка наверняка дорого ему обойдется.

В последний момент Фабион выровнялся. Кинул на меня через плечо изумленный взгляд, но промолчал, не отругав и не задав никакого вопроса. А еще через секунду я с облегчением перевела дыхание, когда он свернул в правильную сторону.

Вскоре ученик мага уже стоял около древнего замшелого валуна. Склонился над свечными огарками, пристально изучая их расположение. Затем скинул с плеча котомку, достал из нее блокнот и угольную палочку и быстро перерисовал эту картину. После чего протянул над камнем руку и что-то быстро и непонятно забормотал себе под нос.

Я поспешно зажала уши руками. Тин Ималия любила рассказывать мне страшные сказки про всяких колдунов, поэтому с самого раннего детства я твердо уяснила одну вещь: никогда не слушай заклинаний! Иначе маг украдет твою душу и сделает тебя своим верным и послушным рабом.

Фабион заметил мое движение. Судя по улыбке, тенью скользнувшей по его губам, мой страх ему весьма польстил. Но он не позволил себе надолго отвлечься. Вновь все внимание устремил на валун и внезапно сжал простертую над ним ладонь в кулак. Лабиринт раскаленных нитей вдруг полыхнул ярким белым пламенем, и я с приглушенным возгласом спрятала лицо в колени, спасая заслезившиеся глаза. Что-то гроыхнуло, пренеприятнейше завоняло тухлыми яйцами. Я замерла, не смея даже шевельнуться. Мало ли что. Вдруг я по дурости угодила на ритуал вызова какого-нибудь жуткого создания из нижнего мира. Хотя... Не больно-то похож этот Фабион на темного мага. Мальчишка еще. Но расслабляться все равно не стоит – кто этих магов знает. Вон тин Ималия уверяла, будто они пьют кровь новорожденных, что позволяет

им веками сохранять молодость. Вдруг на самом деле мой неожиданный новый знакомый – столетний старик, потехи ради принявший облик юнца?

Увлечшись этими соображениями, я забыла о необходимости подглядывать за действиями Фабиона и чуть не заорала в полный голос от ужаса, когда кто-то потряс меня за плечо. Дурное воображение уже нарисовало мне, что я угодила в страшную ловушку и вот-вот меня принесут в жертву мерзким чудовищам. Приподняла голову, готовая в любой момент задать стрекача, если мои страхи подтвердятся.

– Понравилось представление? – Фабион стоял передо мной, широко и счастливо улыбаясь.

Вряд ли он заподозрил, о чем я только что думала и каким негодяем его представила. Оно и к лучшему. Ученик мага был сейчас чрезвычайно доволен собой. По крайней мере, выглядел он до омерзения гордым, а изумрудные глаза так и светились от затаенной радости. Чудно!

– И что тебя так развеселило? – несколько сварливо осведомилась я, когда Фабион в очередной раз расплылся в улыбке до самых ушей.

– Да так, – уклончиво проговорил он. Вновь обернулся к валуну, уже совершенно пустому, и довольно потер руки. – Зуб даю, кое-кому в данный момент очень и очень не по себе.

– Что?! – Я подскочила на месте, приняв его слова на счет моей матери. Позабыв всякий страх и осторожность, схватила его за грудки. От моего напора рубашка опасно затрещала, а я рывкнула во весь голос: – Что ты сделал с моей матерью? Ты отдал ее душу какому-нибудь рогатому чудищу?!

– При чем тут твоя мать? – Фабион поморщился и принялся осторожно отцеплять мои пальцы от своей одежды. Но вдруг отвлекся от этого занятия, пораженный какой-то мыслью. Посмотрел с испуганным недоумением на камень, очищенный от свечных огарков, и уставился на меня.

– Что? – заволновалась я. Опять хорошенько его встряхнула. – Говори, что ты натворил?

– Твоя мать, – между тем медленно пробормотал Фабион. – Ну конечно же надо было сразу догадаться! Долгая, изнурительная болезнь, бессмысленность любого лечения... Катарина, ты знаешь эту вещь?

И протянул мне на ладони крохотный серебряный медальон. Я тихо охнула при виде изящной вещицы, от удивления даже забыв возмутиться тем, что он перешел на столь недопустимый по отношению к потомственной дворянке тон. Знала ли я эту вещь? Конечно, ведь я сама подарила ее матери! Почти год откладывала карманные деньги, чтобы порадовать ее на прошлый день рождения. Правда, праздник получился невеселым, поскольку во время его матушка поругалась с кем-то из домочадцев и сильно расстроилась из-за ссоры. Но моему подарку обрадовалась, поцеловала меня и обещала, что будет носить медальон постоянно. Хм... А когда я в последний раз видела его? Так и не припомню. Сразу же после празднования дня рождения в начале весны матушка занемогла. Сперва подумали, что купленные в городе сладости оказались испорченными, но у остальных со здоровьем было все в порядке. Через недельку матушка выздоровела, пару дней хлопотала по хозяйству, а потом опять слегла, на сей раз более серьезно. Пожалуй, с того момента она больше и не выздоравливала.

Я вдруг с удивлением услышала свой взволнованный голос, рассказывающий ученику мага обо всем этом. И мне пришлось приложить немалое усилие, чтобы прекратить тараторить, после чего я гневно уставилась в его непроницаемые глаза. Но когда я замолчала – то с нескрываемым удовлетворением заметила на дне зрачков Фабиона промелькнувшее сожаление. Ага, значит, моя странная болтливость – дело его рук!

– Как ты это сделал? Как заставил меня тебе все рассказать? – спросила я, напряженно прислушиваясь к внутренним ощущениям – не вздумает ли мой язык вновь начать выкладывать секреты, не дожидаясь особого на то разрешения.

Да нет, вроде бы никакого мысленного принуждения, которым так любила пугать меня тин Ималия, я не чувствовала. Только кончики пальцев свербели от непонятной, но приятной щекотки.

– Это хорошо, – негромко пробормотал тем временем Фабион, проигнорировав мое законное недоумение. – Ты все-таки отзывается на ментальные приказы. Но при этом необходимо, чтобы ты была расслаблена и думала о другом.

– Да что это значит – ментальные приказы?! – рассердилась я, во второй раз услышав незнакомое слово.

– Мысленные, – снисходительно пояснил Фабион, и я моментально напряглась, услышав то, что так пугало меня все это время.

Ага, права была тин Ималия! Он пытается захватить мой разум, заставить меня поступать так, как ему надо! А там, чего доброго, заставит меня продать душу какому-нибудь рогатому демону – слуге Темного близнеца.

Однако Фабион не обратил внимания на то, как я воинственно сжала кулаки, намереваясь драться до смерти, если он продолжит со мной эти отвратительные игры. А что? Вмажу посильнее, как меня учил Ирган, и деру. Авось смогу оторваться. Тут до дома-то всего ничего бежать. Но юноша, воспользовавшись тем, что я как раз отпустила его многострадальную рубашку, готовясь принять бой за собственную жизнь, достал из-за пазухи блокнот и сейчас пристально изучал перерисованное расположение сметенных с валуна огарков. Он при этом так задумчиво хмурил лоб и усердно загибал пальцы свободной левой руки, что-то подсчитывая, что я не смогла удержаться от искушения.

– Что там? – Не выдержав пытки любопытством, я выкинула из головы намерение бежать куда подальше от ученика мага и подошла ближе. Привстала на цыпочки, чтобы заглянуть в рисунок нового знакомого. – Что это значит?

– Это значит, что я совершенно точно хочу увидеть твою матушку. – Фабион поднял голову и посмотрел на меня странно задумчивым взглядом. – А еще, думаю, нам надлежит как можно быстрее покинуть эту полянку и обсудить все мои выводы. Катарина, ты знаешь где-нибудь в округе достаточно укромное местечко, чтобы нас никто не мог подслушать или увидеть?

– Ага, разбежался, как же, – подозрительно ответила я и погрозила ему кулаком. – Тин Ималия меня предупреждала, чтобы я ни с кем чужим никуда не ходила. Мол, вам, парням, только одно и надо.

На самом деле я имела более чем отстраненное понятие, что именно может понадобиться парню от девушки, и просто озвучила наиболее частое предостережение воспитательницы. В отсутствие взрослых не вступать в беседы ни с кем из мужского пола и уж тем более не поддаваться на уговоры выполнить какую-нибудь просьбу, пусть даже самую пустяковую. Кстати, отец в этом вопросе был на удивление солидарен с Ималией, хотя тоже не потрудился объяснить, почему так опасны незнакомцы на узких лесных тропинках. Я лишь догадывалась, чем именно были обусловлены эти строгие требования. По-моему, к этому имела прямое отношение та самая загадочная честь, на которую якобы так любят покушаться разбойники и прочий лихой люд.

Естественно, все эти соображения я не стала выкладывать Фабиону, хотя он неожиданно развеселился от моего заявления, но удержался от неуместного смеха. Разубеждать меня в своих дурных намерениях он тоже не стал. Вместо этого ученик мага взял меня за руку и проникновенно посмотрел мне в глаза. И почему-то от этого мне моментально стало не по себе. Кончики пальцев опять засвербели от странной щекотки.

– Неужели ты не желаешь спасти свою мать? – вкрадчиво поинтересовался он, ни на миг не отводя взгляда. – Мне кажется... Нет, я совершенно точно уверен, что знаю, кто именно задумал ее убить.

Убить? Я испуганно вскинулась от этого слова. Недоверчиво пожевала губами и наконец решилась. Ладно, будь что будет. В конце концов, Ималия никогда не говорила, что надо опасаться учеников мага. Быть может, именно на них ее предостережения не распространяются?

Затем я подумала об Ольгетте и Ельгии, которые наверняка уже сбежали от нудной уборки и ждут меня на озере. Не поднимут ли они тревогу, когда не встретят меня в условленном месте? Да нет, не думаю. Побоятся, что им сильно влетит за участие в моих шалостях. Или решат, что я собираю где-нибудь цветы для матушки. И потом, вряд ли разговор с Фабионом продлится долго.

– Хорошо, – медленно протянула я. – Пойдем. Но учти, если что – я драться умею!

И продемонстрировала ему кулак, для доходчивости сунув его чуть ли не под нос настырному юнцу.

– Весомая угроза, – со смешком пробормотал он. – Но, надеюсь, наш разговор окончится миром.

Я тоже на это надеялась, но промолчала. Напоследок окинула задумчивым взглядом таинственную полянку и невольно передернула плечами. Ой, не нравится мне все это! Что же происходит в окрестностях моего дома? Аж мороз по коже!

* * *

Для нашего разговора я выбрала противоположный берег маленького лесного озера с крутыми берегами. В душе тлела слабая надежда: если мои предположения о безобидности Фабиона были ошибочны, то Ольгетта и Ельгия услышат мои крики и придут на помощь. Однако пока мой новый знакомый вел себя вполне прилично. Ну если не считать того обстоятельства, что при виде прохладной чистой воды Фабион не устоял перед соблазном немного поплавать и смыть с себя пот и пыль долгого летнего дня. Правда, полностью раздеваться при этом он не стал, видимо опасаясь меня смутить, лишь скинул сапоги, оставив на себе брюки и почему-то рубашку. Я целомудренно отвернулась, сделав вид, будто совершенно не обращаю на него внимания, хотя украдкой продолжала изучать его. Ишь ты, худой какой! Мокрая рубашка прилипла к телу, позволяя пересчитать все ребра. Неужели самостоятельные занятия магией приносят столь мало дохода, что он себя даже прокормить не в состоянии? Отец, когда упоминал об иронах, всегда называл их толстыми высокомерными свиньями, что само собой говорило о комплекции и повадках магов. Однако, несмотря на худощавое сложение, Фабион не выглядел заморышем или слабаком. Чувствовалась в его фигуре определенная сила. Наверное, в схватке между ним и мускулистым приземистым Ирганом я бы все-таки поставила на конюха. Но уверена, что новый знакомый успел бы хорошенько расквасить тому лицо.

Увлечшись этими размышлениями, я не заметила, как Фабион выбрался на берег и рухнул на траву рядом со мной. Встряхнул темными волосами, осыпав меня водопадом брызг.

– Сама-то искупаться не хочешь? – лукаво спросил он, заметив, с какой неприкрытой завистью я вздохнула, глядя на синюю гладь озера, миллиардами искр переливавшуюся под солнцем.

– Не при тебе же! – Я высокомерно фыркнула, украдкой покосившись на запачканный после падения подол платья и грязные ладони. – И вообще, высокородной саэриссе не пристали подобные развлечения!

– Ну-ну. – Фабион улыбнулся моему гордому заявлению, но спорить не стал.

Вместо этого он потянулся за котомкой и достал свой блокнот. Я мигом замолчала, с интересом ожидая обещанных объяснений.

– На что это похоже? – спросил он и показал схему расположения огарков, над которой недавно трудился на полянке.

Я взяла в руки блокнот и задумчиво наморщила лоб. Некий порядок в этих кружочках, обозначающих то, как свечи стояли на камне, несомненно присутствовал.

Фабион любезно подвинул ко мне угольную палочку. Я взяла ее и в нерешительности замерла над листом бумаги. Не рассердится ли ученик мага, если я начну на нем черкать?

– Валяй! – разрешил он, без особых проблем угадав мои мысли. Откинулся на спину и подложил под голову руки, словно потеряв всякий интерес к моим дальнейшим действиям. – Самому любопытно, умеешь ли ты видеть и чувствовать симметрию в отраженных заклинаниях.

Я мало что поняла в его последней фразе. Но по всей видимости, он вызывал меня на некое соревнование, сомневаясь в моих умственных способностях. Вот ведь нахал! Ну мы еще посмотрим, на что я способна.

От усердия я прикусила нижнюю губу. Прикоснулась кончиком палочки к самому верхнему кружочку, замерла, прислушиваясь к внутренним ощущениям. Некоторое время ничего не происходило, но вдруг...

На уши опять надавила странная тишина. Как тогда, на поляне с замшелым валуном, оскверненным человеком. Я знала, точно знала, что вокруг царит веселый солнечный день, в глубине леса заливисто поют птицы, а гладкую поверхность озера то и дело вспарывает хвостом какая-нибудь одуревшая от жары рыба. Но меня бросило в такой холод, что зубы сами начали отбивать звонкую дробь. Я медленно, словно против воли, опустила ресницы и крепко зажмурилась. Вновь увидела лабиринт раскаленных нитей. И угольная палочка ожила у меня в руках, затанцевав на листе бумаги.

Из оцепенения меня вывел изумленный присвист Фабиона. Я открыла глаза и сама с трудом удержалась от удивленного восклицания. Потому как кружки были соединены в строгом порядке. Передо мной предстал двенадцатиконечный перевернутый крест, заключенный в круг.

– Что это? – спросила я, с нескрываемым омерзением отодвинув блокнот.

Почему-то один взгляд на непонятный символ вызвал ломоту в висках. К горлу подкатила тошнота.

– Тебе плохо? – участливо поинтересовался Фабион, верно, заметив, как украдкой я смахнула выступившую испарину. Дождлся моего кивка и довольно улыбнулся. – Это хорошо. Значит, искусство Темного близнеца для тебя чуждо.

Искусство Темного близнеца? Я недоуменно нахмурилась. И что он этим хочет сказать? Всем прекрасно известно, что силу магам дают боги, коих в нашем мире всего двое – Светлый и Темный братья-близнецы. Первый – бог созидания и мира, второй – разрушения и смерти. Но я никогда не слышала, чтобы кто-нибудь из магов поклонялся последнему. К чему хорошему может привести колдовство, которое в своей основе имеет тлен?

– Я не понимаю, – честно призналась я. – Разве не все маги просят благословения у Светлого близнеца?

– Если бы. – Фабион печально покачал головой. – Поверь, Катарина, жить на этом свете было бы куда более приятно и легко, будь это на самом деле так. Но увы... Ты когда-нибудь слышала о некромантах?

– Вроде бы да. – Я почесала переносицу, припоминая сказки, которыми меня так любила пугать тин Ималия. – Это злые колдуны, которым для пополнения сил нужны убийства. Но разве они существуют на самом деле? Мне всегда казалось, что это такая страшилка для непослушных детей. Вроде бабайки, которая утащит тебя в лес, если не доешь кашу. Разве нет?

– Иногда реальность бывает стократ хуже любой, даже самой ужасной сказки, – витиевато отозвался Фабион. – Увы, Катарина, но некроманты существуют на самом деле. Боюсь, именно из-за одного из них и заболела твоя мать. Знаешь, что это за символ? – И кивком указал на лежащий рядом блокнот, открытый на том же месте.

– Да откуда мне знать?! – со злостью рявкнула я. Даже мимолетный взгляд на этот рисунок вернул и усилил головную боль, почти улегшуюся за время разговора. – В первый раз вижу!

– Вообще, двенадцатиконечный крест – хороший знак, – пустился в объяснения Фабион, нисколько не обидевшись на мое гневное восклицание. Поняв, что мне, мягко говоря, не по себе, он перевернул блокнот так, чтобы я больше не видела схемы. – Обычно он служит для защиты от зла. Но любой символ, будучи перевернут, приобретает противоположное значение. То есть тот, кто проводил ритуал на поляне, привлекал зло. Причем привлекал к определенному человеку – поэтому крест заключен в круг для усиления эффекта. И, увы, не надо гадать, чтобы определить, против кого был направлен этот обряд.

Я уставилась на серебряный медальон, закачавшийся перед моим носом. Фабион извлек его словно из ниоткуда с ловкостью балаганного фокусника.

– Полагаю, саэра Алисандра часто носила твой подарок? – с сочувствием спросил ученик мага, заметив, как я передернулась от его жестокого заключения. – Впрочем, она могла надеть его всего раз, чтобы навсегда оставить на нем частички своей ауры. Так сказать, опознавательный след для пиявки.

– Для кого? – переспросила я, недоверчиво ухмыльнувшись. – Для какой еще пиявки? Болотной, что ли?

– Ну-у... – Фабион мученически вздохнул, явно недовольный, что приходится объяснять мне столь прописные истины. – Видишь ли, Катарина, за все надо платить. Служение Темному близнецу забирает слишком много сил и энергии. Пожалуй, в этом плане некромантия – самый тяжелый вид магии, поскольку изначально завязана на крови и смерти. Понятное дело, никакой колдун не захочет расплачиваться за приобретенное могущество собственным благополучием и здоровьем. Намного легче отдать в уплату за долги жизнь другого человека. Но пойти на открытое убийство весьма рискованно, так как при этом нужно провести определенный ритуал, чтобы перекинуть силовые потоки надлежащим образом. Следы обряда чрезвычайно тяжело уничтожить. При нем выделяется столько энергии, что по всей округе маги поднимут тревогу, почуяв совершение запретного колдовства. Поэтому, собственно, некроманты и додумались до пиявок. Это условное обозначение крохотному заклинанию, внедряемому в ауру обреченного человека. Оно медленно, но неотвратимо высасывает его силу, от чего несчастный долго и мучительно болеет. Увы, но чаще всего затея удается с блеском. Как ты наверняка уже знаешь, маги зачастую слишком заняты своими делами или же просят за услуги чрезмерную цену, да и потом, не могут ведь они отслеживать каждый случай продолжительной смертельной хвори. Рано или поздно человек умирает, и некромант получает достаточно энергии, чтобы продолжать творить свои темные делишки. – Фабион сделал небольшую паузу, облизнув пересохшие губы после долгой тирады, и задумчиво завершил свою речь: – Правда, это заклинание требует постоянной подпитки и обновления. Именно этим некромант занимался на той полянке. Видимо, наши шаги его вспугнули, раз он даже медальон твоей матери забыл и не убрал свечи.

Я слушала Фабиона затаив дыхание и даже приоткрыв от изумления рот. К сожалению, далеко не все его слова были мне понятны, но общий смысл высказывания угадывался более чем очевидно. Какой-то гад решил известить мою матушку. Убить ее, чтобы таким образом расплатиться с Темным близнецом.

– Вот же сволочь! – выругалась я. Подумала немного и добавила то ругательство, которое услышала от разъяренного крестьянина, приведшего с собой обесчещенную проходимцем тианом Альвадесом дочь. По-моему, ситуация заслуживала подобных крепких слов.

Фабион от неожиданности аж подскочил на траве. Воззрился на меня с таким удивлением, будто у меня на плечах выросла вторая голова.

– Что? – переспросил он, отказываясь верить ушам. – Как ты сказала?

Я с удовольствием повторила, присовокупив к выражению еще и фразу Иргана, выученную накануне, и ученик мага вдруг захохотал в полный голос, спугнув стайку птиц с ближайшей ивы, купающей свои ветви в озере.

Я обиженно насупилась, несколько покоробленная столь неуместным взрывом веселья. И что такого смешного я сказала? По-моему, тут плакать надо. Моя мать в смертельной опасности, а этот маг-недоучка смеется надо мной и моим законным негодованием!

– И что же веселого в происходящем? – хмуро поинтересовалась я.

– Да так. – Фабион отер заслезившиеся глаза и посмотрел на меня, продолжая нагло скалиться. – Катарина, прости, но я никак не ожидал, что саэрисса знает подобные слова. Чему только тебя воспитательница учит?

При воспоминании о строгой тин Ималии я погрузилась еще сильнее. Вспомнилась ее сегодняшняя ссора с моей матушкой. Зуб даю, воспитательница еще долго будет на меня сердиться из-за полученной выволочки. А если узнает, что я несколько часов кряду проболтала с незнакомым парнем, который к тому же является учеником мага, то вообще мелкими придирками с ума сведет.

– Да ладно, не злись, – легонько подтолкнул меня в плечо Фабион, решив, видимо, что я все еще сержусь на него за смех. – Просто это прозвучало так неожиданно! Я подобного даже от пьяных конюхов не слышал.

– Угадал, конюх меня и научил, – несмело призналась я. – Ирган. Он наполовину акриец, правда, оседлый.

– Акриец? – Фабион негромко хмыкнул. – Это многое объясняет. Сей народ не ругается, а разговаривает подобным образом. А еще... – На этом месте своих рассуждений он надолго замолчал, уставившись куда-то вдаль и отстукивая пальцами непонятный ритм на своей коленке.

– И что же мне делать? – совершенно убитым голосом поинтересовалась я, чувствуя, как от непрошенных слез начинает щипать глаза. – Как мне спасти маму?

Фабион с усилием моргнул, сгоняя с себя оцепенение. Перевел на меня взгляд и внезапно подмигнул.

– Не беспокойся, – проговорил он и ласково потрепал меня по щеке. Его прикосновение было таким теплым и уверенным, что я даже забыла возмутиться небывалой наглостью и переходом всяческих границ. А юноша тем временем продолжил: – Какой же рыцарь оставит прекрасную даму в беде?

– А ты сможешь? – засомневалась я, невольно вспомнив все те жуткие истории про некромантов, которыми меня пугала Ималия. – Как-никак ты пока только ученик мага.

– Да, но право на приставку к имени я ведь заслужил. – Фабион легкомысленно пожал плечами. Ободряюще улыбнулся мне, заметив, что я продолжаю хмуриться, и вдруг с непривычной торжественностью проговорил: – Не переживайте, саэрисса Катарина Валания, все будет хорошо. Лучше давайте договоримся о плане совместных действий.

– В смысле? – Я всплеснула руками. – Зачем что-то выдумывать? Полагаю, батюшка до потолка от радости будет прыгать, когда узнает, что ученик мага решил заняться здоровьем матушки.

– Не думаю, что глубокоуважаемому саэру стоит знать о том, чем я на самом деле зарабатываю на жизнь, – осторожно сказал Фабион, искоса следя за моей реакцией.

– Почему? – Я упорно не понимала, куда он клонит. – По-моему, наоборот. Надо же как-то объяснить твое появление в доме.

– Катарина, – Фабион недовольно покачал головой, – не заставляй меня объяснять очевидные вещи! Если некромант узнает, что в доме появился ученик мага, тем более который имеет право на самостоятельную практику, то он наверняка заволнуется и заспешит. Насколько я понимаю, твоя мать болеет уже достаточно давно и подошла к опасной грани, за которой

нет возврата к нормальной жизни. Некромант вполне может поторопить события, испугавшись быть пойманным за руку. Я думаю, нам противостоит весьма неопытный колдун, который в сложной ситуации предпочтет по максимуму замести следы и сразу же сделать ноги. А значит, нам надлежит быть очень осторожными, чтобы не спугнуть его и не причинить твоей матери еще больший вред.

– Почему? – не удержалась я от закономерного вопроса. – С чего ты взял, что этот некромант неопытен?

– Потому что матерый колдун, поднаторевший в искусстве Темного близнеца, ни за что бы не убежал с той полянки. – Фабион передернул плечами, будто почувствовал дуновение ледяного ветерка. Снисходительно посмотрел на меня. – Катарина, он бы остался и принял бой. Попытался бы уничтожить нас, как ненужных и опасных свидетелей. И, боюсь, он бы мог достичь в этом успеха.

Я вздрогнула от его слов. Обернулась к притихшей березовой рощице, мирно шумевшей листвою за нашими спинами:

– А вдруг к нам уже подбирается какой-нибудь злодей с ножом на изготовку?

– В общем, теперь ты понимаешь, что нам надо быть очень осторожными, – заключил Фабион, вдоволь насладившись моей испуганной физиономией. – Так что не стоит, Катарина, говорить своим родным, где и при каких обстоятельствах мы встретились. В том числе и твоему ненаглядному батюшке!

– А ему-то почему нельзя все рассказать? – угрюмо спросила я. – Неужели думаешь, что он не умеет хранить тайны? Или...

Я оборвала фразу, задохнувшись от невольного негодования. Получается, Фабион подозревает и моего отца в столь гнусном злодеянии? Нет, чушь какая-то! Отец никогда бы не навредил маме, это совершенно точно. Достаточно посмотреть, как он переживает из-за ее болезни.

– Я более чем уверен, что почтенный саэр будет хранить молчание, – ответил Фабион, вряд ли догадавшись, какие черные мысли бродят у меня в голове. – Беда только в том, что при помощи магии можно разговорить и камень. Сам того не желая, твой отец способен подложить нам крупную свинью, против воли поведав некроманту об истинных причинах моего появления здесь.

– Но я ведь тоже могу проболтаться.

– Сомневаюсь. – Фабион скептически хмыкнул. – Катарина, ты уже доказала, что вполне устойчива к ментальным воздействиям. Так что просто держи язык за зубами – и все будет в порядке. Договорились?

Я нехотя кивнула. Ох, не нравилась мне вся эта затея. Но с другой стороны – на что только не пойдешь, чтобы спасти родную мать.

– Вот и договорились. – Фабион слабо улыбнулся. – А теперь обсудим, как именно я попаду в ваш дом.

* * *

Я вернулась домой к ужину, неся с собой огромный букет полевых цветов. Его мне помог собрать Фабион, разумно заметив, что иначе у моих домочадцев, а особенно воспитательницы, появится много вопросов – где именно я пропала весь день. Я сама залюбовалась творением его рук. Нежные ромашки здесь соседствовали с ярко-синими васильками, трепетные фиалки почти терялись на фоне крупных колокольчиков. А в центре горделиво красовалась белоснежная водяная лилия, источающая тонкий, изысканный аромат. Ради этого венца творения Фабиону пришлось сплавать на другой берег озера.

Всю недолгую дорогу до дома меня грызла боязнь нового скандала. Вдруг Ольгетта и Ельгия подняли тревогу, не обнаружив меня на обычном месте купания? Ой, даже страшно представить, что меня тогда ждет! Тин Ималия точно с меня глаз не спустит до самого окончания лета. А в сентябре нам предстоит вернуться в пыльную и скучную столицу – Даритон, где в конце осени мне предстояло впервые появиться в блистательном придворном обществе. И уже сейчас меня мелко трясло от волнения, когда я представляла, через какое количество испытаний мне придется в скором времени пройти. Все эти бесчисленные примерки новых платьев, повтор уроков этикета и танцев, званые приемы и балы. Я прекрасно помнила, сколько сил и энергии у матушки отнял вывод в свет моей сестры Марион, которая была на четыре года меня старше. Не представляю, как она справится со всеми этими хлопотами теперь, когда тяжело больна, а возможно – и при смерти, если верить рассказу Фабиона о жутком некроманте, поселившемся у нас в округе.

«Не только об этом тебе надлежит тревожиться, саэрисса Катарина, – грустно шепнул внутренний голос. – Лучше подумай о том, что в этом году тебе начнут искать достойную партию. А возможно, отец уже решил, с каким семейством стоит породниться. И твое мнение вряд ли кого-нибудь заинтересует. Вспомни, как рыдала Марион, когда ее сосватали за саэра Валехию – бледного высокого юношу, который сильно заикается в моменты волнения. Он даже ее руки просил битый час, запинаясь на каждом слове. Да, в итоге через некоторое время сестра смирилась и сейчас кажется вполне счастливой, нянча крохотную дочурку, которая родилась ровно через девять месяцев после обряда, но все равно».

Я гневно фыркнула себе под нос от этой мысли. Не передать словами, насколько сильно меня раздражал тот факт, что меня будут выбирать, как на ярмарке выбирают племенной скот. Увы, при всей любви отца ко мне он вряд ли прислушается к моим чувствам. Нет, конечно, если речь пойдет о нескольких примерно одинаковых кандидатурах, то последнее слово останется за мной. Но, на мой взгляд, это весьма слабое утешение.

Я тяжело вздохнула и тряхнула головой, отгоняя невеселые мысли подальше. Потом, я подумаю об этом потом. В конце концов, сейчас только середина июля. У меня впереди еще два-три месяца безмятежного отдыха, правда омраченного болезнью матери.

Фабион проводил меня почти до самого забора усадьбы. Он всю дорогу молчал, погрузившись в какие-то свои раздумья. Только в той низине, где мы впервые встретились и где на меня опять накатил привычный страх, встрепенулся и принялся настороженно озираться по сторонам. Я невольно ускорила шаг, подумав – а вдруг злобный некромант притаился в засаде где-нибудь у дорожки и ждет тех, кто недавно сорвал его ритуал. Однако мы быстро и без особых происшествий миновали это место, и я вновь погрузилась в невеселые думы о своем, увы, предопределенном будущем.

На границе леса Фабион вручил мне букет и махнул рукой на прощание. Я чувствовала его взгляд на своей спине всю недолгую оставшуюся дорогу до калитки. Интересно, почему он не ушел сразу же? Неужели боится, что некромант может напасть на меня и здесь – в полушаге от родного имения?

Дом встретил меня непривычной тишиной. Первым делом я бросилась на поиски Ольгетты и Ельгии, намереваясь извиниться за свое отсутствие на озере и узнать, не отправили ли на мои поиски кого-нибудь из слуг. А то мало ли. Вдруг уже всех на уши поставили из-за моей затянувшейся прогулки.

Ольгетту я нашла в комнате, отведенной под библиотеку отца. Она протирала тряпкой корешки книг. При виде меня с букетом цветов девушка радостно всплеснула руками, заправила за ухо выбившуюся из косы прядь темных волнистых волос и принялась жаловаться на Ималию.

– Представляете, саэрисса? – обиженно выпалила она, стоило мне только показаться на пороге. – Из-за вашей ссоры с этой старой каргой нам так и не удалось выбраться на озеро!

Ималия была так зла, что выместила на нас всю обиду на вашу матушку. Меня отправили убираться здесь, а несчастной Ельгии вручили ведро с тряпками и заставили мыть полы во всем доме!

– Бедные, – искренне посочувствовала я. Немного понизила голос, прежде пугливо обернувшись на полуоткрытую дверь, ведущую в коридор. – Что, Ималия сильно бушевала?

– Да не то слово! – Ольгетта бухнулась в ближайшее кресло, раздраженно откинув пыльную тряпку подальше. Неожиданно хихикнула, видимо вспомнив разъяренную воспитательницу. – Знаете, Катарина, я даже испугалась, что ее удар хватит. Она кричала так, что стекла в окнах дрожали! Обещала выпороть Ельгию розгами за то, что она на вас дурно влияет. А потом вдруг настолько резко побелела, что я подумала: «Неужто в обморок бухнется?» Но нет, к сожалению, обошлось. Раздала нам поручения на весь день, а сама к себе ушла. Мол, голова от всего этого бедлама разболелась.

– Побелела? – переспросила я, невольно вспомнив разговор с Фабионом.

Он рассказал мне, что прерванный ритуал наверняка сильно ударил по некроманту, заставив его пережить несколько не самых приятных минут. Нет, все равно не сходится. Ималия ведь была в доме, что подтверждает Ольгетта. При всей моей нелюбви к воспитательнице нельзя не признать, что ей не удалось бы присутствовать в двух местах одновременно: в лесу около валуна и в доме, ругая служанок. Но тогда почему ей стало плохо? Да не все ли равно? Как-никак Ималии много лет. Возможно, сегодняшние ссоры и скандалы разволновали ее сверх всякой меры. Моя матушка всегда была остра на язык. Она и совершенно здорового человека с легкостью выведет из себя. Сама не раз присутствовала при том, как матушка отчитывала поставщиков продовольствия, если те допускали оплошность или же намеренно пытались всучить тухлятину. Здоровые крепкие мужики бледнели и краснели от ее тихого голоса, некоторые даже ведьмой за глаза называли. Кстати, по-моему, матушку это нисколько не злило, а даже льстило. По крайней мере, когда один из гостей в гневе кинул ей в лицо это ругательство – она аж залучилась от удовольствия.

Раз уж речь зашла о характерах моих родителей, то, полагаю, уместно рассказать и об отце – саэре Алонии. Нрав у него всегда был мягким и незлобивым. Нет, он мог, конечно, раздраженно обругать нерадивого слугу или нерасторопную служанку, мог отвесить и крепкую затрещину. Но быстро остывал и жутко переживал из-за своей несдержанности. Помнится, Иргану он однажды целый кошель медяков подарил, извиняясь за подбитый в ссоре глаз. А меня и Марион отец так вообще баловал безмерно. Прощал нам любые шалости, всегда спасал от матушки, которая на расправу была скоро и безжалостна.

Впрочем, я немного отвлеклась. Ольгетта как раз сетовала на то количество работы, которое ей пришлось выполнить сегодня по моей вине, а я между тем рассеянно теребила один из цветков в своем роскошном букете, не обращая внимания, что сыплю оборванные лепестки на только что подметенный и протертый пол.

– Ольгетта, – оборвала я ее на полуслове, очнувшись от своих раздумий. Виновато улыбнулась. – Я, пожалуй, пойду к матери. Отдам ей цветы, пока все их не искрошила здесь.

Служанка кинула взгляд на пол, заметила следы моего преступления и поджала губы. Ее явно не привело в восторг то обстоятельство, что за краткий разговор я успела изрядно намусорить. Однако она промолчала, лишь с тяжким вздохом поднялась и потянулась за тряпкой, смиренно лежащей около книжного шкафа, куда ее откинули ранее.

Я тихонько выскользнула из библиотеки и почти что вприпрыжку кинулась на второй этаж, где находились покои моей матушки. С начала болезни она спала отдельно, чтобы никого не беспокоить своей разыгравшейся бессонницей. Порой, когда я пробиралась мимо ее комнаты перекусить в неурочный поздний час чем-нибудь сладким на кухне, то видела косые полосы света, выбивающиеся из-под двери. Матушка предпочитала долгое ночное безделье

заполнять чтением книг. Правда, в последнее время она все чаще жаловалась на болезненную чувствительность глаз к свету, которая мешала ей предаваться любимому занятию.

Остановившись напротив дубовой двери, я тихонечко поскреблась в нее. Подождала немного и постучалась опять, на этот раз более громко. И вновь не получила разрешения войти.

Дурное предчувствие заставило меня вздрогнуть. А что, если Фабион ошибся в своих предположениях и некромант уже убил мою мать, испугавшись скорого разоблачения?

Эта мысль меня настолько напугала, что я, наплевав на все правила приличия, со всей силой пнула дверь, распахнув ее настежь.

– Мама! – Я влетела в комнату, откинув в сторону с таким трудом собранный букет. – С тобой все в порядке?!

Тишина. Настолько полная и пугающая, что на миг мне показалось, будто я оглохла.

– Мама? – Я сделала крохотный шагок к постели, на которой под одеялом угадывались очертания фигуры. – Что с тобой? Тебе плохо?

Накатил ледяной ужас. Сердце подскочило к горлу, затем рухнуло куда-то в пятки, где отчаянно заколотилось.

– Мама? – Я уже почти плакала. – Ну пожалуйста, не молчи! Скажи хоть что-нибудь!

Моя рука сама взялась за край одеяла. Слово нехотя оно соскользнуло с кровати, обнажив лежащую на спине женщину. И в тот же миг я закричала. Завизжала, забыв про все свои хорошие манеры благовоспитанной саэриссы – дочери знатного древнего рода. Потому что на меня уставилась мертвым взглядом тин Ималия. Седые волосы воспитательницы разметались по подушке. Руки были чинно вытянуты по бокам. Только одна маленькая деталь портила эту картину – рукоятка кинжала, торчавшего из груди несчастной. И огромное кровавое пятно, расплывшееся на простынях.

* * *

Я забила в самый дальний и темный угол общей гостиной и меланхолично допивала третью кряду чашку успокаивающего отвара. От сильного мятного привкуса напиток меня уже ощутимо поташнивало, но я не собиралась останавливаться на достигнутом, намереваясь попросить и четвертую кружку. Стоило мне только закрыть глаза, как перед мысленным взором опять вставало бледное, безжизненное лицо воспитательницы.

Да, мы с ней никогда не были особо дружны. Скорее, даже наоборот. Я тихо ненавидела ее, устав от бесконечных придинок и зачастую весьма оригинальных методов воспитания. Тин Ималия в свою очередь неустанно жаловалась на мое отвратительное поведение. Но сейчас все эти ссоры и взаимные претензии казались мне настолько глупыми и смешными! Н-да, никогда не подумала бы, что мне будет ее искренне жаль. Да что там, я вытерпела бы любое наказание от нее, по доброй воле отказалась бы от прогулок до самого возвращения в Даритон, лишь бы этого страшного убийства не произошло.

В гостиной между тем царил настоящий бедлам. То и дело хлопали двери, впуская кого-нибудь внутрь или выпуская наружу. Бессмысленно металась слуги, путаясь друг у друга под ногами. Матушка, к моему величайшему облегчению живая и здоровая, полулежала в кресле, обмахиваясь веером, и напряженно слушала переговоры отца с управляющим имением – пухлым толстяком по имени Гальвар. Тиан как раз убеждал батюшку, что о произошедшем надлежит немедленно поставить в известность власти. Пусть пришлют из ближайшего города дознавателя с отрядом солдат, который быстро выяснит, кто же именно из домочадцев пошел на такое немыслимое преступление. В свою очередь батюшка артачился, упрямо возражая на каждый приведенный аргумент, что не желает, чтобы в доме хозяйничали посторонние. Мол, знает он этот служивый люд. Только позволь – моментально поселятся здесь и будут всячески затягивать расследование, лишь бы подольше заигрывать со служанками да вымогать у

хозяев пропитание. Не приведи Светлый близнец, еще попадетсЯ какой-нибудь несдержанный на язык дознаватель, который начнет распускать грязные сплетни про произошедшую трагедию или попытается шантажировать его пустыми домыслами. Это же погубит репутацию семейства Валания! Кто рискнет пригласить в свой дом человека, причастного к подобному скандалу? И чем отчаяннее будешь оправдываться, тем больше тебя начнут подозревать. Мол, не бывает дыма без огня.

– И что же вы предлагаете, саэр? – потеряв всяческое терпение, грубо оборвал стена-ния батюшки тиан Гальвар. – Дождаться ночи и без благословения служителей божьих тайно похоронить несчастную Ималию где-нибудь в лесу? А затем, быть может, предложите вырвать языки всем слугам, чтобы никто не проболтался о произошедшем?

Отец смущенно потупился, не найдя, что сказать в ответ, а управляющий между тем продолжил, чуть смягчив тон:

– Саэр Алоний, я прекрасно понимаю, что вы сейчас чувствуете. Тот, кто убил несчастную Ималию, поступил отвратительно и подло, но его необходимо найти! Подумайте сами, какой опасности вы подвергаете свою семью! Ведь наверняка убийца имеет доступ в дом.

– Нет, невысмысленно! – подала голос матушка, тревожно встрепенувшись в кресле. – Я уверена, что это дело рук какого-нибудь разбойника с большой дороги! Быть может, беглого каторжника.

– Саэра... – Тиан Гальвар позволил себе краткую скептическую усмешку. – Как вы себе это представляете? По вашим же словам, вы отлучились из комнаты всего на несколько минут – отправились на кухню попросить стакан теплого молока, поскольку не смогли дозваться Ельгию или Ольгетту. Никакой преступник, незнакомый с расположением комнат в доме, не успел бы за это время отыскать ваши покои и напасть на бедняжку Ималию. Да и зачем ему было подниматься на второй этаж? Обычно людям подобного толка нужна еда или нажива. Я понял бы, если бы ножом пригрозили повару или тому, кто помешал сгрести столовое серебро из обеденного зала. Нет, убийство Ималии лишено всяческого смысла! – Гальвар огорченно всплеснул руками, словно негодуя на преступника за столь глупый поступок, и жестокосердно завершил: – Как видите, нам не обойтись без дознавателя. Они истинные специалисты расследований подобного толка. Поверьте, им зачастую приходится иметь дело с еще более щекотливыми ситуациями, поэтому они умеют держать язык за зубами.

– Вы так говорите, будто уже сталкивались с ними, – ядовито проговорила моя матушка, гневно сверкнув синими глазами.

Я невольно залюбовалась ею. Видимо, произошедшее несчастье заставило ее отвлечься от болезни, поскольку выглядела матушка сейчас намного лучше, чем утром. Да что там, у нее даже румянец на щеках появился.

– Возможно, – не стал отпираться от очевидного факта управляющий. С вызовом вздернул голову, прежде промокнув платочком выступившую на лысине обильную испарину, и насмешливо продолжил: – То, что вы не осведомлены о данном факте моей биографии, как раз свидетельствует о моей правоте. Дознаватели действительно умеют хранить чужие тайны, раз уж вы не узнали о столь темном пятне на моей репутации.

Матушка посмотрела на отца, выразительно изогнув тонкую бровь.

– Дорогая, но я навел справки о прошлом тиана Гальвара, – с оправдывающимися интонациями забормотал он, без слов поняв причины молчаливого негодования своей дражайшей супруги. – Клянусь! У него были превосходные рекомендации. Никто не обронил и намека, что когда-то достопочтенный тиан был замешан в чем-то подозрительном.

Матушка презрительно фыркнула. Перевела взгляд на управляющего, и он невольно подбоченился, будто готовясь принять бой. Однако она ничего не успела сказать. Поскольку в этот самый момент на пороге гостиной появился Фабион.

Я едва не поперхнулась успокаивающим отваром, когда увидела старого знакомого. За недолгое время нашей разлуки он успел очистить сапоги от засохшей грязи и пригладил длинные темные волосы, перехватив их на лбу кожаным шнурком. И сейчас юноша стоял, с явным интересом прислушиваясь к разгоревшейся перепалке между управляющим и моими родителями.

– А ты еще кто такой?! – рявкнул отец, не ожидавший увидеть совсем рядом нахального незнакомца, который не потрудился даже постучаться или попросить слуг каким-либо образом представить его.

– Прошу меня милостиво извинить за столь позднее вторжение в ваш дом, саэр Алоний. – Фабион без малейшего смущения чуть склонил голову, словно приветствуя ровню по происхождению, а не потомственного дворянина. – Я битый час стучал в дверь дома, но мне никто не соизволил открыть. Поэтому я и рискнул войти, испугавшись, что с хозяевами могло что-нибудь произойти.

– Вот как? – чуть смягчился мой отец. – Простите, саэр, у нас случилось некое весьма неприятное происшествие. Поэтому слуги совершенно забыли свои обязанности.

– У нас постоянно дома бардак творится, – хмуро добавила мама. Неприязненно посмотрела на управляющего. – И кажется, теперь я понимаю, кто всему виной.

Несчастный тиан Гальвар, наверное, уже тысячу раз пожалел, что приоткрыл завесу тайны над своим прошлым. Уж не знаю, что именно тогда произошло, но ему явно в ближайшее время придется искать новую работу. Более чем уверена, что его не оставят на прежнем посту управляющего. И, увы, вряд ли он дождет хороших рекомендаций. Все-таки мои родители, как это ни печально сознавать, в определенном смысле помешаны на чести рода. Они никогда не позволят работать у себя человеку, каким-либо образом связанному с преступлением, пусть даже давно и благополучно раскрытым.

Фабион искоса глянул на хмурого, обиженно нахохлившегося управляющего, которого, по всей видимости, посетили те же невеселые мысли. Затем посмотрел на меня с таким равнодушием, что даже я поверила, будто мы незнакомы, и опять все свое внимание сосредоточил на моем отце.

– Саэр Алоний, – проворковал он, и от его низкого, вибрирующего голоса у меня нестерпимо зачесалось в носу, – мне безумно жаль, что столь достойный человек, как вы, попал в беду. Быть может, я сумею вам помочь?

Я с интересом уставилась на отца, ожидая его реакции на столь странное предложение. В самом деле, не каждый день к тебе врывается загадочный незнакомец, который с порога начинает настойчиво лезть в проблемы семьи. Неужели батюшка стерпит это? Скорее взорвется, по обыкновению, и наорет на слишком любопытного юнца.

Однако действительность оказалась совершенно противоположной моим ожиданиям. Отец вдруг расплылся в глупой улыбке и довольно покачал головой.

– Возможно, – проговорил он, уставившись на Фабиона с какой-то собачьей преданностью во взоре. – Видите ли, саэр, в моем доме произошло убийство. Какой-то негодяй пробрался в комнату моей жены и заколол там воспитательницу моей дочери. Хвала Светлому близнецу, ни Алисандра, ни Катарина при этом не пострадали.

Я приоткрыла рот от изумления. Что происходит? Отец только что обвинил Гальвара во всех возможных грехах только за то, что тот предложил обратиться к дознавателям для решения этой загадки. Мол, негоже столь грязной тайне выходить за пределы дома. А теперь сам же рассказал, что здесь случилось, абсолютно незнакомому человеку!

Но, по всей видимости, остальные присутствующие в комнате не увидели в откровениях моего отца ничего странного. Лишь матушка поспешно вытащила носовой платок и уткнулась в него, сдерживая чихание.

Фабион внимательно посмотрел на нее и сочувственно вздохнул, видимо оценив измученный, болезненный вид. Затем повернулся к моему отцу с прежней широкой, благожелательной улыбкой, на мой взгляд, несколько неуместной после сообщения о насильственной смерти воспитательницы.

– Да что вы говорите! – воскликнул он с таким наигранным ужасом, что я невольно скривилась. Однако помимо меня никто в комнате не почувствовал фальши в его тоне, хотя Фабион даже не пытался скрыть усмешки на лице, словно специально показывая, что обманывает присутствующих. Ученик мага между тем продолжил представление. Он укоризненно зацокал языком, запричитав: – Это такое горе для вашей семьи! Расскажите, расскажите мне скорее, что же случилось! Уверен, я смогу облегчить вашу боль утраты.

Я уставилась в чашку, борясь с невыносимым желанием встать и изобличить моего нового знакомого в обмане. Нет, я понимала, что он поступает верно. Только при помощи магии в свете приключившегося несчастья возможно втереться в доверие к моей семье. Но то, с какой легкостью ему удалось разговорить моего отца, меня откровенно раздражало. Ишь ты, маг выискался! Не зря вас, проходимцев, обычный люд не особо жалуется, обращаясь за помощью лишь в самых крайних случаях. Да и то чаще всего потом жалеют об этом, получив заоблачный счет за оказанные услуги.

Отец и управляющий кинулись на два голоса рассказывать Фабиону о постигшем нашу семью горе. Они так торопились выложить все сведения, что постоянно перебивали друг друга. Раньше, без сомнения, отец сильно бы рассердился на Гальвара за подобную непочтительность. Слуга, пусть даже состоящий в соответствующей гильдии и получивший право на приставку к имени, не имеет права говорить в унисон с хозяином. Но сейчас высокородный саэр не обратил на это ни малейшего внимания.

Я мрачнела все больше и больше. Ох, не нравится мне все это! А вдруг Фабион прибегнул к помощи своего дара не в первый раз и чуть ранее легко и непринужденно навешал мне лапшу на уши, чтобы попасть в наш дом? Он вполне мог сам расставить на камне свечи и воспользоваться каким-нибудь простеньким заклинанием, чтобы воспламенить их на расстоянии, пока болтал со мной. А потом так же потушил и представил все произошедшее как происки некроманта. Я уж не говорю о том, что тин Ималию убили именно в тот день, когда я с ним познакомилась. Уж не он ли прикончил мою воспитательницу?

«И как ты себе это представляешь? – скептически шепнул внутренний голос. – Фабион проводил тебя практически до калитки. Он бы просто не успел обежать дом с другой стороны, залезть по стене на второй этаж, выждать удобный момент, когда твоя матушка пойдет за молоком на кухню, затащить Ималию в комнату и там жестоко с ней расправиться. Да и что такого дурного ему сделала твоя воспитательница? Не говоря уж о том, что если злодей на самом деле Фабион, то с какой стати он пощадил тебя? У него была тысяча возможностей убить тебя сегодня на озере и спрятать тело так, чтобы его никто и никогда не нашел. Ведь, как оказалось, чтобы попасть в дом, твоя помощь ему совершенно не нужна. Всего пара слов твоему отцу, капелька колдовства – и твой отец его за родного сына примет».

Я нехотя кивнула, подтверждая правоту гласа своего рассудка. Действительно, как-то нелогично выходит. Ничего не понимаю! За несколько часов вся моя размеренная привычная жизнь полетела кувырком. Сначала я узнаю, что мою мать пытается извести какой-то загадочный некромант, теперь еще и убийство произошло. Но кому, во имя богов-близнецов, могла помешать старая сварливая Ималия?!

– Какая жуткая история! – воскликнул Фабион, дослушав сбивчивый рассказ моего отца, которому по мере сил помогал тиан Гальвар. С живым участием обернулся к моей матери. – Саэра, насколько я понял, все случилось в вашей комнате. Вы сами-то, я надеюсь, не пострадали?

– Как видите, – со слабой усмешкой ответила моя мать. Пожала плечами. – Мне, должно быть, сегодня улыбнулся Светлый близнец. Я уже давно почти не встаю из-за болезни, но сегодня мне стало лучше. И мне вдруг нестерпимо захотелось теплого молока с медом! Служанки, как назло, не отзывались на колокольчик. Пришлось самой идти на кухню. А потом... Потом я услышала крик моей дочери. Помчалась к ней на выручку, себя от страха не помня. И... – На этом месте матушка судорожно вздохнула и прижала к влажно блеснувшим глазам уголок платка.

– Так это вы обнаружили несчастную воспитательницу? – Фабион легким поклоном приветствовал меня, ничем не выдав того, что мы уже знакомы. Сочувственно покачал головой. – Мне так жаль вас, саэрисса... простите, не знаю вашего имени. Должно быть, это стало настоящим потрясением для вас.

– Да, моя дочь до сих пор не может прийти в себя, – поспешил ответить за меня отец. Грозно цыкнул на вертевшуюся поблизости растерянную Ольгетту: – Быстро! Принеси еще отвара для Катарини!

Фабион не отреагировал на эту крохотную сценку. Он по-прежнему смотрел на меня не отводя глаз, и мне почему-то стало не по себе. Интересно, о чем он сейчас думает? Зуб даю, больше всего на свете хочет остаться со мной наедине и вызнать все подробности без ненужных свидетелей. Задавать мне какие-либо вопросы в присутствии целой толпы народа слишком опасно. Даже несмотря на весь его дар убеждения, кто-нибудь обязательно возмутится подобным проявлением неуместного любопытства. По всеобщему мнению, я слишком пострадала от лицемерия убитой воспитательницы, поэтому Фабиону не позволят меня расспрашивать, дабы еще сильнее не травмировать нежную девичью душу.

– И что вы собираетесь делать, саэр Алоний? – Ученик мага с некоторым усилием оторвал от меня взгляд и перевел его на моего отца. – Наверное, стоит поставить в известность власти?

– Вот! – радостно воскликнул тиан Гальвар, довольный, что неожиданный гость поддержал его точку зрения. – Как я и говорил! Надо послать кого-нибудь в ближайший городок. Он всего в двадцати милях отсюда. За несколько часов доберется.

– И кого вы намерены отправить со столь деликатным поручением? – внезапно подала голос моя мать. Язвительно ухмыльнулась. – Уверены, что ваш выбор не падет при этом на преступника? Вы были правы, когда говорили, что убийца имеет доступ в дом. По-моему, стоит признать очевидный факт: с несчастной Ималией расправился кто-то из нас. Ну, мы с Алонием, понятное дело, вне подозрений, как и Катарина. Но вот за слуг я не поручусь. Да что там, даже вы могли подкараулить бедняжку в коридоре и, воспользовавшись моей краткой отлучкой, прикончить ее.

– Что?! – Тиан Гальвар аж побагровел от несправедливого и позорного обвинения. – Саэра Алисандра, при всем моем уважении, но это немыслимо! Как вы смеете обвинять меня в подобной мерзости!

– Представьте неопровержимые факты вашей невиновности – и я лично принесу вам извинения, – хладнокровно парировала моя матушка. – Как это называется у дознавателей? Алиби? Да, глубокоуважаемый тиан, так где вы были, когда весь дом содрогнулся от крика Катарини? Быть может, с кем-нибудь разговаривали?

Тиан Гальвар растерянно посмотрел на Фабиона, словно надеясь, что тот придет ему на помощь. Но ученик мага с нескрываемым интересом подался вперед, ожидая его ответа.

– Вот видите. – Матушка позволила себе краткую торжествующую усмешку. – Нет, я верю, что вы не имеете к этому преступлению отношения. Полагаю, в этот момент вы прохлаждались в своей комнате с очередной стащенной втихаря бутылкой вина. Или вы надеялись, что плохое самочувствие помешает мне вести строгий подсчет выпитого алкоголя? Впрочем, об этом мы поговорим позже. Факт остается фактом: все слуги под подозрением. И вы в первую

очередь, поскольку чаще остальных ругались с Ималией. К тому же, как сегодня совершенно случайно выяснилось, уже были замешаны в каком-то темном деле.

На мгновение мне стало жалко тиана Гальвара. Да, иметь мою матушку во врагах – непозволительная роскошь. Она никогда не лезла за словом в карман и была способна поставить на место любого. На время болезни слуги вздохнули с облегчением, освободившись от постоянного пристального надзора за их работой. Но, чую, скоро всех ждет крайне неприятный сюрприз. Видимо, тот ритуал, проведение которого мы с Фабионом сегодня сорвали, был действительно нацелен на возобновление высасывания энергии из моей матери. По крайней мере, такой бодрой я ее давненько не видела.

– С Ималией много кто ругался, – неожиданно пришел на помощь управляющему мой отец. – Особенно эта рыжая бестия Ельгия.

– Кстати, а где она? – осмелилась я вмешаться в разговор. – Я ее не видела с самого утра, как ушла на прогулку.

И тут же пожалела о своем вопросе. На мне скрестились взгляды, пожалуй, всех присутствующих в гостиной.

– Ой, – прошептала Ольгетта, которая давным-давно перестала создавать даже видимость какой-то работы и самым наглым образом стояла рядом со мной, напряженно слушая разговор. – И правда! Куда она запропастилась? Я в последний раз видела Ельгию, когда Ималия отправила ее мыть полы на... на второй этаж.

– Когда я спускалась на кухню, то заметила в коридоре ведро с водой и тряпку, – проговорила матушка. – Но Ельгии не было. Я еще подумала, что она опять зацепилась с кем-нибудь языками и думать забыла про уборку. Но на крик Катарины должна была прибежать первой. Нахальная девчонка всегда отличалась излишним любопытством.

Отец и управляющий переглянулись. С каким-то первобытным ужасом уставились на Фабиона, ожидая, что тот скажет.

– Надо проверить дом, – произнес он, недовольно покачав головой. – Предлагаю тиану Гальвару остаться здесь, чтобы присмотреть за женщинами. А мы с вами, глубокоуважаемый саэр Алоний, могли бы поискать служанку.

– Вот еще! – возмутилась матушка, гневно фыркнув и ткнув в управляющего пальцем. – Я с ним в одной комнате не останусь! Шутки шутками, но вдруг он в самом деле убил Ималию?

– Отлично. – Фабион хлопнул в ладоши, не позволив оскорбленному до глубины души управляющему вымолвить и слова в свое оправдание. – В таком случае, надеюсь, вы не будете против, если здесь останется ваш муж, почтенный саэр Алоний. Насколько я помню, вы сами говорили, что только хозяева дома вне подозрений. Думаю, он без проблем сумеет защитить свою семью. А мы с тианом тем временем осмотрим комнаты.

Матушка нехорошо прищурилась. Фабион так резко переменил свое решение, что было ясно: он рассчитывал на то, что его первоначальный вариант отвергнут. По-моему, ученик мага и планировал с самого начала отправиться на разведку именно с Гальваром, но немного схитрил, чтобы все случилось именно так.

– Да, действительно. – Отец горделиво выпрямился. Окинул взглядом гостиную и шагнул к камину, где поспешно вооружился кочергой. Задумчиво взвесил ее в руке и внезапно хищно оскалился. – Пусть этот разбойник с большой дороги только попробует сюда сунуться! Говорите мне что хотите, но я уверен, что это кто-то чужой!

Фабион напоследок посмотрел на меня. Его губы беззвучно шевельнулись, и в голове вдруг само собой прозвучало короткое, отрывистое предупреждение: «Будь осторожна!» После чего ученик мага и тиан Гальвар вышли из гостиной.

Некоторое время после их ухода было тихо. Отец мерил широкими шагами гостиную, баюкая на руках кочергу, и угрожающе рычал себе что-то под нос. По-моему, перечислял все то, что сделает с убийцей, когда его поймают. Ольгетта забила в кресло рядом с моим и

негромко всхлипывала, заблаговременно начав оплакивать подругу. Матушка зябко куталась в огромную пушистую шаль поверх простенького платица, на которое сегодня впервые за долгое время сменила неизменную ночную рубашку.

– Кстати, – вдруг спросила она, недоуменно нахмурившись, – я так и не поняла: что это за милый юноша? Мы выложили ему все новости и тайны нашего дома, а он даже не представился. Как это произошло?

Я опустила голову, пряча слабую усмешку. Драгоценные мои матушка и батюшка, вы даже не представляете, какие еще сюрпризы вас ожидают рядом с этим «милым юношей». И я очень надеюсь, что наша сегодняшняя встреча в лесу произошла совершенно случайно. Иначе получится, что я собственноручно привела в дом убийцу.

* * *

Долгие поиски Ельгии, к которым привлекли и конюха Иргана, и даже полуглохого повара Ацария, ничего не дали. Спустя несколько часов, когда на дворе уже плескались сумерки позднего вечера, мы вновь собрались в гостиной. Точнее, я с родителями и Ольгеттой оттуда и не уходили, просто к нам присоединились остальные домочадцы.

Фабион обвел взглядом всех собравшихся, задержав его на высоком смуглом красавце Иргане, затем обернулся к моему отцу.

– В доме, как я понимаю, больше никого нет? – требовательно спросил он, и я подивилась незнакомым повелительным ноткам, скользнувшим в его голосе.

– Нет. – Отец, не привыкший к такому обращению, почему-то даже не подумал возмутиться. Вместо этого он, растеряв всю свою прежнюю боевитость, как-то ссутулился и затараторил, объясняя ситуацию: – Видите ли, мы с супругой подумали, что обойдемся без большого количества слуг. Осенью Катарине предстоит первый выход в свет, и вы должны понимать, насколько это затратное дело. Тем более из-за болезни Алисандры мы и без того потратили много средств на всяких целителей и прочих шарлатанов. Решили экономить. Поэтому в доме оставили лишь двух служанок, повара да управляющего. Ирган помогает на конюшне. Ималия занимается... простите, занималась воспитанием Катарини, давала ей уроки этикета. По хорошему, конечно, стоило бы ей нанять еще и учителя танцев, но мы решили, что с этим можно обождать до осени.

– А почему мы должны отвечать на ваши вопросы? – вдруг перебила отца, пустившегося в ненужные подробности нашего семейного уклада жизни, матушка. Нехорошо прищурилась. – Достопочтенный... Кстати, вы так и не представились и не рассказали, что за нужда вас привела в наш дом и откуда вы оказались осведомлены о наших именах. Как-то нечестно получается, не находите? Вы теперь знаете о нас практически все, мы же о вас – почти ничего. – И она выжидательно скрестила на груди руки, всем своим видом показывая, что жаждет объяснений.

– Ох, простите. – Фабион вопреки моим ожиданиям ни капли не смутился от полученной резкой отповеди. С нарочитым огорчением всплеснул руками. – Это моя вина. Я собирался представиться сразу же после моего появления здесь, но рассказ об убийстве так потряс меня, что все нормы приличия моментально вылетели из головы. Прошу меня великодушно извинить. Саэр Фабион из рода Шаорраш к вашим услугам. – И он отвесил глубокий поклон.

Я самым неприличным образом раззявила от удивления рот. Саэр? Получается, Фабион тоже потомственный дворянин? Но почему тогда он мне представился как ученик мага?

«А что в этом такого? – шепнул внутренний голос. – Разве маги не могут быть аристократами? Еще как могут. Даже более того – зачастую как раз получают дворянство в знак особых заслуг перед короной. Просто твой новый знакомый не захотел афишировать свое происхождение сразу же после знакомства. Его право».

Как оказалось, моих родителей тоже потрясло имя нового знакомого, но по другим причинам, нежели меня.

– Саэр Фабион Шаорраш? – почему-то шепотом переспросил мой отец. Рванул ворот просторной, навыпуск, рубахи, будто тот сдавил ему горло. – Из того самого рода Шаорраш?

– Да, из того самого, – ответил Фабион и махнул рукой, обрывая дальнейшие расспросы моего отца, сгорающего от нетерпения. – Впрочем, не будем об этом. Мое появление в вашем доме никак не связано с моим семейством.

Я обиженно цокнула языком. Ну кто так делает, на самом интересном остановился! Теперь от любопытства буду сгорать, гадая, что же это за род такой и чем он прославился.

– Простите, саэр, – внезапно вновь подала голос моя мать. По всей видимости, она не испытывала такого же священного трепета к имени нового знакомого, как мой отец, поскольку продолжала смотреть на Фабиона с чуть заметной недоверчивой усмешкой на губах. – При всем моем уважении, я бы хотела получить веские доказательства того, что вы на самом деле принадлежите к роду Шаорраш. И полагаю, вам не составит особого труда их предъявить, не правда ли?

Я нахмурилась. О каких доказательствах она говорит? Или Фабион должен повсюду таскать с собой гербовую печать рода? Так ее можно подделать. Ничего не понимаю!

– Алисандра! – попытался урезонить матушку и мой отец. – Ну о чем ты! В конце концов, это даже как-то неприлично. Никто в здравом уме не осмелится назваться одним из Шаоррашей, поскольку сама знаешь, чем это грозит наглецу.

Я приглушенно зашипела от злости. Этот разговор, полный недомолвок и каких-то непонятных намеков, сводил меня с ума. Теперь спать спокойно от любопытства не смогу, пока не пойму, что все это значит!

Наверное, я так возмущенно вертелась в кресле, что Фабион заметил это. Бросил на меня быстрый взгляд и спрятал усмешку в уголках губ, когда я украдкой погрозила ему кулаком. Мол, я буду не я, но все из тебя вытрясу, когда мы наедине останемся. Кажется, сейчас я сама была готова затащить нового знакомого в первую же попавшуюся свободную комнату, где нам никто не помешает поговорить по душам. И плевать на все правила приличия!

– Сказать можно что угодно, – продолжала упорствовать в своем законном недоверии матушка. – Пусть докажет! Если он действительно Шаорраш, то проблем быть не должно, не так ли? – И она с притворным радушием широко улыбнулась Фабиону.

– Вы совершенно правы, – спокойно ответил он, посмотрев на нее с прежней благожелательностью. – Прошу, убедитесь сами в моих словах.

После чего медленно закатал рукава. Я подалась вперед, от жадного нетерпения едва не свалившись с кресла, и впилась глазами в его руки, густо покрытые багрово-черной вязью татуировки. Так вот почему при купании он остался в рубашке – хотел скрыть от меня свои отметины! Линии переплетались под самыми невероятными углами, складываясь в изысканный рисунок. Правда, что именно он изображал – мне так и не удалось разобрать. А еще мне показалось, что на правом предплечье было что-то написано на древнем ромалийском. Но я успела разобрать только одно слово – «долг», после чего Фабион поспешно одернул рукава.

– У вас еще остались какие-нибудь сомнения в моем происхождении, достопочтенная саэра? – ледяным тоном осведомился он у моей матери.

– Нет, – неохотно буркнула она, опустив глаза. Однако буквально через миг вновь уставилась на него с прежней отважной дерзостью. – Но вы так и не ответили на мой вопрос. Что вы забыли в наших глухих краях, саэр Фабион? Насколько мне известно, летняя резиденция королевского двора находится намного южнее. Или вы заблудились?

– Алисандра! – прошипел красный от непонятного мне смущения отец. В умоляющем жесте прижал ладони к груди, пытаясь заставить слишком говорливую супругу остановиться. – Ну что ты творишь?

– Все в порядке, – заверил его с прохладной улыбкой Фабион. – Из-за некоторых особых обстоятельств, связанных с моим родом, столь горячий интерес к моей скромной персоне вполне понятен. Да и потом, у вас в доме произошло жуткое преступление. Определенные предосторожности не повредят. – И чуть повернул голову, переведя взгляд на мою матушку. – Достопочтенная саэра Алисандра, мое появление здесь далеко не случайно. Уверяю вас, я не заблудился. До меня дошли слухи, что в ваших, как вы выразились, глухих краях кто-то балуется некромантией и приносит жертвы Темному богу-близнецу. Дядя отправил меня проверить, соответствует ли это действительности.

В гостиной воцарилась столь полная тишина, что было слышно, как где-то вдалеке лениво перебрехиваются собаки. Я уже абсолютно ничего не понимала в происходящем. Что творит Фабион? Мы же договаривались, что цель его визита в наш дом останется секретом! Получается, он решил сыграть в открытую? Но почему? Что изменилось со времени нашего разговора на озере?

«Многое изменилось, – тут же ответила я сама себе. – Во-первых, кто-то убил Ималию. Во-вторых, пропала Ельгия. Вдруг она угодила в руки некроманта, который собирается принести ее в жертву своему жуткому богу, чтобы срочно пополнить запас сил?»

– Ваш дядя... – потрясенно просипел мой отец тем временем. Откашлялся и продолжил чуть громче: – Ваш дядя саэр Марко Шаорраш, я не ошибаюсь?

– Совершенно верно, – кивнул Фабион, по-моему искренне наслаждаясь ситуацией.

– И он отправил вас сюда? – Отец с таким неподдельным ужасом заломил руки, что мне стало не по себе.

Узнать бы скорее, что за чудовище скрывается под маской приятного юноши, с которым я провела сегодня весь день. Пять лет жизни отдала бы, лишь бы понять – почему мои родители так его испугались, когда узнали его полное имя.

– Попросил оказать ему услугу, – подтвердил Фабион. – Ему не хотелось являться сюда лично, поскольку он осознавал, что это сильно взбудоражит окрестности. Да и при дворе неминуемо поползли бы нехорошие слухи про вас. Вы же знаете, как люди любят выдумывать всякие кошмары на пустом месте. – И он с откровенным намеком взглянул на меня, словно его последняя фраза относилась именно к моим переполюсованным мыслям.

– Н-да, – внезапно нарушил молчание управляющий, который все это время думал о чем-то своем. – Саэр Алоний, вы так отчаянно не желали приглашать сюда дознавателя с солдатами, что в итоге накликали на свой дом куда большую беду. Вот ведь ирония судьбы, не правда ли? – И глупо захихикал, видимо сочтя шутку чрезвычайно уместной.

Остальные, впрочем, его веселья не поддержали. В гостиной по-прежнему царила крайне напряженная атмосфера.

– И что вы намерены теперь делать? – спросила матушка, до побелевших костяшек вцепившись в подлокотники кресла.

– Я намереваюсь выполнить поручение дяди в кратчайшие сроки. – Фабион пожал плечами, словно удивленный, что такой вопрос вообще возник. – И, если честно, теперь я склонен предполагать, что в его сведениях есть определенный резон. Убийства не происходят на пустом месте. Но больше всего меня беспокоит исчезновение невинной девицы.

– Невинной? – Матушка презрительно фыркнула. – Это кто, Ельгия была невинной? Да на этой рыжей шалав...

– Алисандра! – рыкнул отец, оборвав ее, и глазами показал на меня. – Не забывайся.

– Она была невинной, – внезапно подала голос Ольгетта, гневно встрепенувшись от обвинения, кинутого в адрес ее подруги. – В этом я могу поклясться. Да, Ельгия часто кокетничала сверх всякой меры, но дальше поцелуев дело у нее никогда не заходило.

Матушка кисло поморщилась, вряд ли убежденная словами служанки. А вот Ирган, который все это время стоял около порога тише мыши, чтобы не быть выгнанным обратно на

конюшню, вдруг как-то странно хмыкнул. И сразу же Фабион кинул на него молниеносный взгляд и тут же как ни в чем не бывало отвернулся. Я покачала головой. Н-да, незнакомый мне саэр Марко явно не ошибся, отрядив племянника на поиск загадочного некроманта. Этот парень все вокруг подмечает.

– А быть может, именно она и убила тин Ималию? – робко спросил Ацарий – наш повар, ранее участвовавший в поисках Ельгии. Крупному мужчине было тяжело стоять, но он не осмеливался присесть, вместо этого прислонившись спиной к одному из книжных шкафов. Ацарий нерешительно кашлянул и продолжил, воспользовавшись тем, что никто его не оборвал: – А что? Ельгия постоянно цапалась с Ималией. Только сегодня мне плакалась, будто глубокоуважаемая тин ее со свету сжить решила. Что, если Ималия пошла проверить, как она вымыла полы, обнаружила, что Ельгия, по обыкновению, отлынивает, и втокнула ее в спальню саэры Алисандры, чтобы хозяйка наказала девчонку за нерадивость? Но комната оказалась пустой, Ельгия в порыве ярости заколола Ималию, пытаясь освободиться, испугалась содеянного и кинулась в бега.

– Действительно, – оживился мой отец, обрадованный столь логичной версией. – Помоему, самое разумное предположение! Ельгия всегда отличалась взрывным характером и не ладила с Ималией. Они вполне могли повздорить.

– Ималию никто не любил, но Ельгия особенно, – поддержал его Гальвар. – В гневе люди способны на страшные вещи.

– Она мне никогда не нравилась. – Голос матушки влился в стройный хор обвинителей. – Я как чувствовала, что она замышляет нечто коварное.

Только Ольгетта и Ирган промолчали. Бедная служанка не осмелилась протестовать против мнения остальных, уверенных в вине Ельгии. Однако расстроенное личико Ольгетты говорило само за себя: она не верила, что Ималию убила ее подруга. Ирган же красноречиво скрипел и едва сдержался, чтобы не сплюнуть презрительно на дорогой ковер гостинной. Ходили слухи, что у них с Ельгией был роман. По крайней мере, они постоянно друг с другом флиртовали. Наверное, на редкость неприятно слышать, как твою любимую девушку бездоказательно обвиняют в столь жутком преступлении. Меня же в свою очередь терзал один простой вопрос: если все произошло так, как решили остальные, то откуда Ельгия взяла кинжал, которым убила Ималию? Не думаю, что подобную вещь уместно постоянно носить при себе. Неужели, кроме меня, больше никто не задумался на этот счет? Как-то подозрительно быстро все пришли к взаимному согласию.

Фабион задумчиво обвел взглядом эту картину. Недовольно качнул головой, но удержался от каких-либо замечаний.

– В общем, решено! – Отец украдкой покосился на него, убедился, что посланник таинственного Марко Шаорраша пока не торопится возражать против этой гипотезы, и продолжил еще более воодушевленно: – Я думаю, нам стоит все-таки послать кого-нибудь в город за дознавателем. Увы, этого вряд ли удастся избежать. Скажем ему, что преступление раскрыто. Пусть организует поиски этой дрянной девчонки! Полагаю, ее найдут в кратчайший срок и достойно накажут. Как вы считаете? – И с некоторым испугом обернулся к Фабиону, видимо предполагая, что тот может отказаться от столь замечательного плана.

– Час уже поздний, – уклончиво проговорил он. – Я не думаю, что стоит кого-либо отправлять в город на ночь глядя. Дороги здесь плохие, лошадь в темноте рискует переломать ноги. Давайтеждемся утра.

– Вы думаете, разумно давать преступнице такую фору во времени? – резко спросила его матушка. – Мы можем хотя бы отослать кого-нибудь в деревню и предупредить о том, что где-то рядом скрывается убийца. Вдруг она решит еще кого-нибудь прикончить?

– Если Ельгия действительно виновна в гибели воспитательницы, то в настоящий момент она бежит к границе с Ромалией, не останавливаясь и на миг, поскольку понимает, что в случае

поимки ей грозит смертная казнь, – мягко ответил Фабион. – Однако молоденькой девушке будет чрезвычайно тяжело скрыться от ищеек короля, уж будьте в этом уверены. А когда к поискам подключатся маги, то ее судьба окажется предрешена. Поэтому не стоит поднимать панику.

– И что вы предлагаете? – хмуро поинтересовался мой отец.

– Хорошенько выспаться. – Фабион улыбнулся. – Я думаю, завтра всем нам понадобится много сил, поэтому это будет самым логичным решением из всех возможных.

Если бы тогда я знала, насколько пророческими окажутся его слова!

* * *

Я лежала у себя в комнате и смотрела в потолок. Магушка долго уговаривала меня остаться сегодня ночью с нею, переживая, что мне будет страшно одной, но я отказалась. Понимаю, она хотела утешить и поддержать меня, но мне представлялось это лишним. И потом, я не хотела мешать родителям своим присутствием. Мама заявила, что не сможет спать в комнате, где произошло жестокое убийство, поэтому перебралась в спальню к отцу. И я предполагала, что мое присутствие в их комнате будет, мягко говоря, неуместным.

Была и еще одна причина, по которой я желала эту ночь провести в одиночестве. Я упрямо таращила в темноту глаза, ожидая, когда все утомится и дом погрузится в сонную тишину. Комната Фабиона была совсем недалеко от моей. И благовоспитанная саэрисса в моем лице намеревалась этой ночью навсегда загубить свою репутацию, заявившись среди ночи в спальню к мужчине. Даже думать не хочу, какой скандал разразится, если меня поймают. Но отказаться от этой затеи было выше моих сил. Любопытство пожирало меня изнутри, не давая заснуть. Нет, мне совершенно точно необходимо знать, чем же таким особенным прославился род моего нового знакомого! Иначе я с ума сойду от волнения.

Наконец по коридору прошлепали последние торопливые шаги. Видимо, это Ольгетта пробежала со двора, торопясь в свою комнатенку, которую до сего невеселого дня она делила с Ельгией. И все стихло. На всякий случай я выждала еще несколько минут, после чего встала и тихонечко скользнула к двери. Приложила к ней ухо, прислушиваясь, не бродит ли кто по дому, мучаемый бессонницей после произошедшего. Затем решительно тряхнула головой. Ладно, если вдруг на кого наткнусь, то скажу, что никак не могла уснуть и решила подышать свежим воздухом.

Однако платье я все-таки решила натянуть, хотя обычно при поздних прогулках по дому ограничивалась шалью, накинутой поверх ночной рубашки. Даже оправдание себе придумала на случай возможных вопросов – мол, все-таки в доме чужой человек ночует, побоялась ему на глаза попасться. Но будем надеяться, что все обойдется.

Бродить по коридорам с зажженной свечой представлялось мне верхом глупости. Тогда точно на кого-нибудь наткнусь. Ладно, думаю, света луны, падающего через окна, хватит мне для того, чтобы не споткнуться и не перебудить грохотом падения весь дом.

Я глубоко вздохнула и задержала дыхание, словно перед прыжком в ледяную воду. Рывком распахнула дверь и застыла на пороге, вглядываясь в чернильный мрак коридора. Потом на цыпочках двинулась в ту сторону, где располагалась спальня Фабиона, рукой скользя по стене.

Около нужной комнаты я замерла. В голове запоздало мелькнула мысль о том, что приличные девушки так не поступают, но я поспешно отогнала ее. В самом деле, я сегодня с ним целый день наедине провела, и ничего дурного при этом не случилось, почему не могу поболтать еще часик, пока никто не видит?

Затем я огляделась по сторонам, убеждаясь, что за мной не следят, нажала на ручку, которая неожиданно легко и без скрипа поддалась, и вошла в комнату.

Кровать Фабиона стояла напротив окна. Она казалась залитой серебряным светом луны, неожиданно ярким после темного коридора.

Юноша спал. Я слышала его спокойное, размеренное дыхание, видела разметавшиеся по подушке длинные волосы, и неожиданно мне стало стыдно. Стоит ли ради удовлетворения моего интереса его будить? Не рассердится ли он на меня, когда узнает, из-за кого пустяка ему пришлось подняться среди ночи?

Я нащупала за спиной дверную ручку, намереваясь уйти. Но вдруг услышала приглушенные шаги. Кто-то крался по коридору к комнате Фабиона.

– Ой, – испуганно пискнула я, когда осознала, что мои самые страшные страхи в любой момент могут сбыться.

Мой взгляд опять упал на кровать ученика мага. Простыня свисала почти до пола. Что, если спрятаться под нею? Вряд ли незваный гость, даже если войдет сюда с целью поговорить с Фабином, примется обыскивать комнату. Я пересажу там опасность и вылезу, когда беседа закончится. Правда, придется объяснить Фабиону мое полуночное вторжение, но эту неприятность я как-нибудь переживу.

Я, стараясь ступать как можно тише, подошла к кровати. Нагнулась было, намереваясь ужом проскользнуть под нее, но в следующий миг произошло нечто странное. Какая-то неведомая сила подняла меня в воздух, пребольно обхватив поперек талии. Я едва не закричала, осознав, что платье самым неприличным образом задралось чуть ли не до ушей, но мгновением раньше чья-то рука накрыла мой рот. Все это уложилось в промежуток времени между двумя ударами сердца. И вдруг оказалось, что я лежу на кровати, придавленная к ней тяжестью тела Фабиона.

Круглыми от ужаса глазами я уставилась на него, не понимая, что все это значит.

– Страдаешь лунатизмом? – шепнул он мне на ухо. – Саэрисса Катарина, вам придется весьма потрудиться, объясняя, что вы забыли в моей комнате.

А в следующий момент он услышал то же, что и я чуть ранее. Кто-то, блуждающий по коридорам спящего дома в неурочный час, подошел вплотную к двери комнаты и остановился, должно быть гадая, что делает ее временный обитатель.

– Демоны! – чуть слышно выругался Фабион. перевел взгляд на меня, и я невольно вздрогнула. В висках вдруг вспыхнула горячая боль, и я неминуемо бы застонала, если бы его ладонь все так же не закрывала мой рот. А юноша с невольным изумлением продолжил: – Так ты хотела всего лишь поговорить со мной? Услышала шаги и решила спрятаться?

Как, ну как он мог это узнать? Я ему и слова ни сказала!

– Потом обсудим это, – пробормотал Фабион, вновь без всякого смущения прочитав мои мысли. – А ну – брысь под кровать, как и собиралась ранее!

Я невольно возмутилась его приказному тону, однако не успела ничего сказать, поскольку в дверь вдруг кто-то осторожно поскребся. Неведомый полуночник явно жаждал поговорить с Фабином наедине.

А еще через несколько секунд я оказалась в тесном узком пространстве между кроватью и полом. Фабион, не обращая ни малейшего внимания на мое сопротивление, быстро затолкал меня туда.

– Не шуми! – грозным шепотом предупредил он меня и поправил простыню таким образом, чтобы ее свободно свисающий край полностью скрыл меня.

В носу моментально засвербело от пыли. Я уткнулась лицом в ладони, сдерживая чихание. Пожалуй, стоит сделать серьезное внушение Ольгетте. Убираться надо не только там, где грязь видно, но и в других местах, обычно скрытых от посторонних глаз. А то мало ли где мне придется прятаться в следующую мою безумную вылазку.

Теперь я вообще ничего не видела, поэтому могла полагаться только на слух. Вновь раздался осторожный стук в дверь, после чего последовал недовольный вопрос Фабиона, искусно играющего роль только что проснувшегося:

– Кто там?

– Пожалуйста, впустите меня, – взволнованно затараторил голос полуночного незваного гостя, и я с немалым изумлением поняла, что это Ольгетта испугнула меня. – Достопочтенный саэр, мне очень надо поговорить с вами!

Приглушенный скрип открываемой двери. Служанка поспешно вбежала в комнату, и дверь закрылась.

– Вот так сюрприз, – с немалой иронией проговорил Фабион, и кровать надо мной прогнулась под чужим весом. – Чему обязан столь поздним визитом?

– Простите, саэр. – В тоне Ольгетты явно слышалось смущение. – Наверное, я не должна была приходить. Но я не могла не предупредить вас об опасности. Бегите! Если жизнь дорога вам – бегите прямо сейчас из этого проклятого дома! Иначе вам не дожить до следующего заката.

Я замерла в своем тесном убежище, от удивления даже забыв о необходимости дышать. Что за чушь она мелет?

– Правда, Ольгетта? – Фабион вопреки ожиданиям не казался испуганным. Напротив, в его вопросе все так же звучали откровенно насмешливые нотки. – Я ведь не ошибаюсь, тебя именно так зовут? Понимаешь, не в моих правилах бежать от опасности, тем более если не знаешь, в чем именно она заключается. Быть может, ты мне расскажешь, кто или что мне угрожает?

– Саэрисса Катарина.

Я едва не заорала в полный голос от возмущения, услышав свое имя, но невероятным усилием воли сдержалась. Лишь до крови прикусила губу, надеясь, что боль остудит мое желание немедленно вылезти и потребовать объяснений у служанки, которую я считала почти своей подругой. А Ольгетта продолжала, вряд ли догадываясь, что я все слышу:

– Саэр Фабион, я понимаю, что Катарина кажется вам невинной привлекательной девушкой. Она всех очаровывает своей молодостью и красотой. Но поверьте – под этой обворожительной внешностью скрывается чудовище!

Теперь я вцепилась зубами себе в руку. Было невыносимо лежать здесь и слушать, как порочат мое доброе имя. Но почему? Что я такого дурного сделала Ольгетте? И потом, кого она назвала красивой? Меня? Сама же всегда смеялась над моими веснушками, жидкими светлыми волосенками, летом выгорающими до льняной белизны, и неестественной худобой. Никогда не упускала случая напомнить, что к пятнадцати годам любой девушке, мечтающей о счастливом замужестве, жизненно необходимо обзавестись определенными волнующими выпуклостями в фигуре, если она не хочет потом терпеть холодность мужа. Никогда бы не подумала, что Ольгетта на самом деле настолько высокого мнения о моей внешности, раз считает роковой красавицей!

– Вы можете аргументировать свое мнение? – уже серьезно спросил Фабион, отбросив неуместный сарказм.

Я едва не застонала в полный голос от огорчения и тревоги. Неужели он поверит наговорам этой дурной девчонки, которая так долго и ловко делала вид, будто дружит со мной?

– Саэрисса Катарина всегда была странной, – с готовностью кинулась очернять меня Ольгетта. – Поверьте, я знаю ее несколько лет. С самого детства она мучила и убивала животных, проявляла интерес к запрещенному колдовству. Однажды при очередной уборке я нашла в ее комнате книгу по некромантии. Несколько раз натыкалась на заднем дворе на останки зверски замученных цыплят и котят. – Служанка сделала драматическую паузу, после чего с нарочи-

тым ужасом выдохнула: – По-моему, смерть Ималии – дело ее рук! Как и исчезновение Ельгии. Недавно они сильно поссорились из-за Иргана – нашего конюха. Красавчик, не так ли?

– Вы меня спрашиваете? – Фабион не удержался от слабого смешка. – Понятия не имею. Я не силен в оценке мужской красоты.

– И все же, – упрямо продолжила Ольгетта. – Катарина – капризный и испорченный ребенок. Насквозь порочный при этом. Уверю вас, она уже давно познала все прелести плотской любви и положила глаз на Иргана. Правда, вот незадача, у него завязались серьезные отношения с Ельгией. Столь серьезные, что они даже подумывали объявить о своей помолвке. Ирган отверг наглые и в высшей степени непристойные притязания Катаринины. Та не смогла стерпеть подобного оскорбления и подстроила все это: смерть Ималии, якобы бегство Ельгии. Неужели вы не видите, как ловко она разыграла этот спектакль и отвела от себя подозрения?

Удивительно, но я сдержалась и после этого заявления. Лишь в немом бешенстве заскребла ногтями по полу. Увы, это вышло слишком громко, поскольку сразу же последовал встревоженный вопрос Ольгетты:

– Вы ничего не слышали?

– Что? – невинно переспросил Фабион. – О чем ты?

– Наверное, померещилось, – пробормотала Ольгетта и вновь с упоением бросилась плести обо мне всякие небылицы: – В общем, надеюсь, вы убедились, насколько испорчена сээррисса Катарина. Поверьте, если бы не нужда в деньгах, ни я, ни бедняжка Ельгия ни на миг бы не остались в этом доме. Родители любят ее, поэтому закрывают глаза на невинные, по их мнению, шалости. Я видела, как Катарина смотрит на вас. Вы ей очень понравились. Поэтому, во имя Светлого близнеца, бегите! Иначе она околдует вас, а когда наиграется – убьет.

Кровать надо мной опять закрипела, когда Фабион встал. Некоторое время после этого царил тишина, и я всерьез забеспокоилась – уж не случилось ли чего дурного.

– Катарина? – вдруг раздался его голос. – Вылезай, пожалуйста.

Я осталась на месте. Что он задумал? Неужели не понимает, что в данной ситуации лучше оставить мое присутствие в тайне?

– Ну не упрямься. – Фабион негромко хмыкнул. – Я думаю, тебе будет интересно присутствовать при этом. Проведем, так сказать, очную ставку.

Я упорно оставалась на прежнем месте. Не хочу видеть эту лгуню! Что мне ей сказать? Что она не просто обидела меня, но растоптала всяческую веру в дружбу? И непрошенные слезы навернулись на глаза.

А в следующий миг произошло необъяснимое! Кровать над моей головой вдруг сама собой взмыла в воздух. Каким-то невероятным образом Фабион поднял ее и перенес к противоположной стене, где без малейшего шума опустил на пол. Наверное, он воспользовался при этом магией, поскольку я не представляла, какой силой должен обладать человек для выполнения этого трюка.

– Вставай! – потребовал Фабион, протянув мне руку после разрушения моего временного убежища. – Поговорим начистоту.

Я поднялась сама, проигнорировав предложение помощи. Угрюмо опустила голову, не желая даже на миг встретиться глазами с Ольгеттой, по-прежнему находящейся в комнате. Правда, странно как-то. Почему она не удивилась и не испугалась, обнаружив в опасной близости, которую с таким упоением поливала грязью последние минуты?

Я кинула на служанку осторожный взгляд исподлобья. Удивленно вскинула брови, увидев отсутствующее выражение на ее лице. Служанка устала куда-то поверх моей головы, и я готова была поклясться, что она не заметила моего появления.

– Она в трансе, – ответил на мой невысказанный вопрос Фабион. Сел на отодвинутую кровать и не удержался от широкого зевка. – Что за безумная ночь! Я ведь честно хотел выспаться, а приходится убажывать красивых девушек, жаждущих моего общества.

Я вспыхнула от его слов. Что за неуместные намеки! Вообще-то я шла в его комнату с одной-единственной целью: обсудить все случившееся в доме и решить, что же нам делать дальше.

– Ладно, не обижайся, – миролюбиво проговорил Фабион. Ловко подложил себе под спину подушку и откинулся на нее, не отрывая от меня странно напряженного взгляда. – Вижу, тебя тоже удивила столь интересная исповедь твоей подружки?

Я покраснела еще сильнее, только в этот момент заметив, что ученик мага все это время был без рубашки. Хвала небу, хоть штаны он додумался не снять на ночь! Как представлю, что Фабион лежал на мне почти обнаженный, – так жить от стыда не хочется! Пусть это и длилось всего несколько мгновений, но все же. Боюсь, если данный факт моей биографии станет известным, то придется отбросить всякую надежду на замужество.

– Катарина? – окликнул меня Фабион, когда пауза после его вопроса чрезмерно затянулась. – Ты меня слышишь?

– Ты не мог бы одеться? – невпопад буркнула я, опасаясь лишний раз взглянуть на него.

Изысканная вязь татуировок помимо воли привлекала к себе внимание. И мне стоило огромного труда смотреть чуть повыше Фабиона, не глядя на рисунок, который, казалось, оживал под моим взглядом. Правда, вот беда, мне никак не удавалось понять, что же именно изображено на груди и руках юноши.

– Одеться? – удивленно переспросил он, вряд ли ожидая подобной просьбы. Встал и медленно подошел ко мне. – Катарина, ты меня стесняешься?

– Немного, – пискнула я, хотя от стыда и непонятого волнения стало жарко дышать.

Больше всего на свете мне сейчас хотелось прикоснуться к нему, провести пальцем по переплетениям багровых линий на его коже. Небо, да что со мной творится? Я никогда раньше не испытывала подобного.

– Забавная реакция, – без тени улыбки произнес Фабион, пристально наблюдая за выражением моего лица. – Очень забавная.

Однако без малейших возражений взял рубашку, валявшуюся около кровати, и накинул ее на себя. Я с заметным облегчением перевела дыхание, когда татуировка скрылась из моего поля зрения. Чудно, право слово. И что я так взволновалась из-за какого-то непонятого рисунка?

– Что такое транс? – поспешила я сменить тему и осторожно обошла вокруг застывшей Ольгетты. – Она меня видит?

– Пока нет, – ответил Фабион, наблюдая за каждым моим движением с явным интересом, отчего мне было не по себе. Неожиданно сказал: – А ты молодец. Я думал, что ты не выдержишь, когда она начала всякие небылицы плести.

– Небылицы? – Я резко остановилась и бросила на ученика мага быстрый взгляд. – Так ты ей не поверил?

– Она не ты. – Фабион позволил себе краткую усмешку. – Слишком громко думает. Поэтому я знал, что она собирается солгать, еще до начала беседы.

– Но зачем ей это? – Я застыла напротив Ольгетты, пристально изучая ее спокойное, бесстрастное лицо. – Право слово, я считала, что мы подруги. Мне было очень, очень обидно и больно, когда она начала говорить обо мне эти гадости.

Фабион ничего не ответил. Лишь с лживым сочувствием пожал плечами и внезапно прищелкнул пальцами. И в тот же миг Ольгетта ожила.

– В общем, как вы теперь знаете, Катарина – исчадие зла! – выпалила она, еще не понимая, что смотрит мне прямо в глаза. Затем осеклась, осознав, кто именно стоит напротив нее.

В комнате повисла столь мертвая тишина, что у меня зазвенело в ушах.

– Почему? – наконец, когда желание оборвать паузу криком стало невыносимым, тихо спросила я. – Ольгетта, за что ты так со мной? Что я тебе сделала?

Служанка стремительно покраснела. Ее уши и щеки запылали предательским огнем стыда, только мне от этого было ничуть не легче.

– Как?.. – чуть слышно выдохнула она, дважды проведя раскрытой ладонью перед лицом, словно силясь отогнать наваждение. – Катарина, как ты здесь оказалась?

– Я все слышала, – просто ответила я. – Все твои слова насчет меня. Значит, ты действительно считаешь меня чудовищем? По-твоему, это я убила Ималию и, возможно, Ельгию?

Ольгетта покраснела еще сильнее, хотя это казалось невозможным. Уставилась себе под ноги, пристально изучая половицы.

– На вопросы принято отвечать, – вдруг подал голос Фабион, который все это время провел развалившись на кровати и, по-моему, искренне наслаждаясь сложившейся ситуацией. Поднялся и встал рядом со мной, хозяйским жестом положив руку мне на плечо. – Ольгетта, ну что же ты молчишь?

Я едва удержалась, чтобы не отпрянуть от Фабиона. Нет, его прикосновение не было мне неприятно, но почему-то стало не по себе. Опять нахлынули непрошенные воспоминания об извивающихся линиях на его коже. Интересно, какие они на ощупь? Бугристые или гладкие? О небо, о чем я только думаю! И – самое главное – рядом с кем?! Я же со стыда умру, если этот несносный ученик мага прочитает мои мысли! А он может, в этом я уже имела несчастье убедиться.

– Она уже успела вас околдовать? – тихо спросила Ольгетта, поняв, что не сумеет избежать допроса. С притворной жалостью всхлипнула. – Правда, она хорошенькая? Ради такой можно и убить, не так ли, достопочтенный саэр? И я уже вижу, что вы сделали свой выбор – кому верить.

– Лгунья! – прошипела я, сжав кулаки. – Как ты смеешь!..

– Спокойно, моя хорошая. – Фабион лишь чуть сильнее сжал пальцы, впиваясь мне в кожу, и ярость схлынула, словно ее и не было.

Ольгетта презрительно усмехнулась, по-видимому восприняв это как знак особого расположения ко мне ученика мага. Смерила меня откровенно изучающим взглядом с головы до ног и прошипела с нескрываемой ненавистью:

– Считаешь, что тебе все позволено, Катарина? Считаешь, что можешь убивать, кого только пожелаешь, и тебе ничего за это не будет? Ошибаешься! Когда-нибудь тебе за все придется держать ответ! И, будь уверена, это случится уже совсем скоро!

– А ведь ты действительно веришь в то, о чем говоришь, – с немалым удивлением произнес Фабион.

Напоследок ободряюще потрепал меня по плечу и шагнул к служанке. Та мгновенно напряглась, но вряд ли могла предвидеть то, что произошло в следующую секунду. Даже для меня это стало неожиданностью. Фабион вдруг мягко приподнял ее подбородок, заставляя смотреть себе в глаза. А затем нежно прильнул к ее губам. Ольгетта замерла, не смея, а возможно, просто не желая отстраниться.

Я отвернулась. В глубине души поднималась метель мутной ярости. Да как он посмел?.. Нет, я не имею ничего против, если ему так нравится Ольгетта. Но пусть бы миловался с ней не на моих глазах. В конце концов, это неприлично!

«Ревнуешь? – с ехидным смешком осведомился внутренний голос. – Конечно, очень неприятно, когда парень, который понравился тебе, на твоих же глазах целует другую».

Пока я была занята придумыванием гневного ответа на столь глупый вопрос, Ольгетта вдруг закатила глаза и обмякла в объятиях Фабиона. Тот легко подхватил ее на руки, словно несколько не удивившись подобному повороту событий, и уложил на кровать.

– Может быть, мне выйти? – неприязненно спросила я, даже не желая думать, что последует дальше.

– Не стоит, – мягко отозвался Фабион. Посмотрел на меня и широко улыбнулся, заметив мое неудовольствие сложившейся ситуацией. – Прости, Катарина. Это было необходимо. Тесный телесный контакт вкупе с эффектом неожиданности позволяет обходить любые ментальные блоки. Так что теперь я знаю, кто именно прислал Ольгетту ко мне.

– Прислал? – Я недоуменно нахмурилась. – Она что, пришла сюда не по своей воле?

– А что, разве это было непонятно с самого начала? – удивился Фабион. Задумчиво посмотрел на мирно спящую Ольгетту. – Или, по-твоему, у нее были основания рассказать про тебя все те гадости?

– Я ничего не понимаю! – Я рассерженно всплеснула руками, окончательно запутавшись во всем происходящем. – Что это значит? Зачем кому-то очернять меня в твоих глазах? И кем вообще является этот кто-то?

Фабион укоризненно покачал головой, открыл было рот, чтобы начать объяснения, но не успел вымолвить и слова. В коридоре опять послышались чьи-то осторожные, крадущиеся шаги.

– Да что ты будешь делать! – шепотом выругался ученик мага, напряженно прислушиваясь к происходящему за дверью. – Меня что, все обитатели дома сегодня ночью решили навесить?

Еще один незванный гость явно направлялся сюда. Фабион сгоряча сплюнул на пол и многозначительно приподнял простыню, предлагая мне вернуться в убежище под кроватью. Я повиновалась, сгорая от любопытства. Интересно, кто на этот раз вздумал навесить неожиданного гостя нашего семейства? Никогда бы не подумала, что у нас в доме после полуночи начинается столь активная жизнь.

Спустя неполную минуту Фабион без малейшего усилия положил рядом со мной Ольгетту. Бедняжка при этом даже не пошевелилась. Под кроватью было темно – хоть глаз выколи, поэтому я не видела ее, только слышала ровное, спокойное дыхание.

В дверь постучались, на этот раз более громко и требовательно, чем Ольгетта. Фабион демонстративно громко зевнул, делая вид, будто только проснулся, нарочито заскрипел кроватью над моей головой, но все же встал и открыл новому посетителю, даже не осведомившись, кто это.

– Извините, достопочтенный саэр, – раздался хриплый мужской голос, и я прижала ладонь ко рту, сдерживая изумленное восклицание. Ирган! Он-то что тут забыл? А конюх тем временем продолжил: – Я понимаю, что вы устали после долгой дороги, но мне необходимо с вами поговорить.

– Заходи, – устало предложил Фабион. – Что-то случилось?

– Пока нет. – Половицы заскрипели, когда Ирган начал метаться по комнате в приступе странного волнения. – Точнее, я надеюсь, что нет. Господин, прошу – спасите Ельгию! Я знаю, вы можете. Иначе ее жестоко убьют, как убили сегодня Ималию.

– Кто убьет? – полюбопытствовал Фабион. – Ты кого-нибудь подозреваешь?

– Да, – тихо выдохнул Ирган. – Саэру Алисандру.

Я опять прикусила многострадальную губу. На этот раз так сильно, что почувствовала солоноватый привкус крови во рту. Н-да, никогда бы не подумала, что нашей семье настолько не повезло со слугами. Сначала Ольгетта наговорила про меня всяких гадостей, теперь, видимо, участь быть опороченной ждет и мою мать.

– Почему ее? – спокойно спросил Фабион, и я с негодованием поняла, что он не удивлен таким ответом. – Саэра Алисандра больна. По-моему, ей было бы чрезвычайно тяжело убить Ималию и уж тем более совладать с молодой, полной сил и здоровья девушкой. Разве не так?

– Она притворяется! – гневно отмахнулся от резонного возражения Фабиона Ирган. – Поверьте, саэр, эта гадюка имеет тысячи личин, чтобы скрыть свою истинную подлую сущ-

ность. И потом, вполне вероятно, что ей помогла Катарина. Яблочко от яблони, знаете ли, недалеко падает, и эти две ведьмы вполне стоят друг друга.

– Вот как?

– Да! – забывшись, слишком громко воскликнул Ирган. Фабион шикнул на него, и конюх, опомнившись, продолжил уже тише: – Саэр, вы ведь разговаривали с саэрой Алисандрой сегодня. Неужели не ощутили, какой страшной силой она обладает? В ее глазах нет ничего человеческого. Уверен, ее душу уже давно пожрало какое-нибудь создание нижнего мира и сейчас использует ради развлечения ее тело.

– Другими словами, ты подозреваешь саэру Алисандру в занятиях запрещенной магией и в служении Темному близнецу? – сухо осведомился Фабион. – Понимаешь, насколько это серьезное обвинение?

– Я не подозреваю, я уверен в этом, – упрямо ответил Ирган, хотя в его тоне я уловила некоторые нотки сомнения. – Думаю, и Катарина попала под дурное влияние матери. Несчастливая Ималия подозревала неладное и пыталась наставить девочку на путь истинный, но все зря. Саэре очень сильно не нравилось то, что воспитательница пыталась ей помешать вырастить из Катарины новую верную служительницу Темного близнеца. Утром Алисандра в очередной раз придралась по какому-то пустяку к Ималии. Я лично слышал крики саэры. Видимо, терпение госпожи иссякло, и она решила убить Ималию, дабы та ей больше не мешала.

– А Ельгия? – спросил Фабион. – Чем она досадила саэре?

Ирган замялся. Он остановился рядом с кроватью, поэтому я увидела носки его сапог в тонкой щелке между краем простыни и полом.

– Ельгия беременна, – наконец тихо признался он. – И я боюсь, что Алисандра хочет использовать ее в каком-нибудь отвратительном ритуале. Говорят, ведьмы особенно любят убивать младенцев еще в утробе матери.

– Беременна? – В голосе Фабиона впервые прорезалось что-то напоминающее удивление, в то время как я уже все ногти себе изгрызла, заставляя себя молчать. – От тебя, полагаю?

– Да, – чуть слышно выдохнул Ирган. – Она рассказала мне неделю назад. Я... Я сразу предложил ей взять полный расчет у хозяев и немедленно бежать куда глаза глядят, поскольку понимал, что в этом доме нам оставаться опасно. Точнее – ей. Мне-то что может грозить? Я ведь не девственник, то есть не подхожу для обрядов колдовства. Но Ельгия посмеялась над моими страхами, сказала, что я все придумываю. А еще она не хотела терять доходное место. Все-таки саэр Алоний всегда нам хорошо платил. Моя бедная глупышка Ельгия была уверена, что он не выгонит нас, когда узнает о ребенке, напротив, даст свое благословение и позволит остаться. Но увы... Я думаю, Алисандра ощутила, как растет ребенок в чреве Ельгии. Вы же знаете, какое у ведьм чутье. И в этот же миг участь Ельгии оказалась предрешена. Нет, я верю, что она еще жива, но надолго ли? Поэтому прошу – помогите ей!

– То есть саэр Алоний, по твоему мнению, не в курсе, чем занимаются его жена и дочь? – продолжил расспросы Фабион, проигнорировав последнюю отчаянную просьбу Иргана, полную ужаса и мольбы.

– Да, наверное. – Конюх печально хмыкнул. – Саэр Алоний – хороший человек. Не его вина, что он не разглядел под красивой мордашкой жены ее гнилую душонку. Я не думаю, что он знает, чем она занимается по ночам. Ведьмы прекрасно умеют прятать свои темные делишки.

– Ты уже несколько раз повторил, что саэра Алисандра прекрасно маскируется под обычную женщину, никак не связанную с колдовством, – с затаенной усмешкой проговорил Фабион. – Но в таком случае как ты угадал ее истинную сущность, если даже саэр Алоний – ее супруг – до сих пор пребывает в неведении?

В комнате воцарилась тишина. Я улыбнулась, на расстоянии уловив замешательство Иргана. Н-да, а я недооценивала Фабиона. Даже не представляла, что он настолько въедлив. С

какой легкостью он заманил Иргана в ловушку! Интересно, что он скажет в свое оправдание и в поддержку своей сумасбродной гипотезы?

– Ну? – поторопил конюха Фабион, когда пауза чрезмерно затянулась. – Откуда ты знаешь, что сазра Алисандра и ее дочь Катарина – ведьмы? Ты присутствовал при их обрядах?

– Нет, как можно! – яростно фыркнул Ирган, немало рассерженный таким предположением. – Я... я... – И опять замолчал, явно не зная, что сказать.

– Понятно, – весело произнес Фабион и внезапно резко приказал: – Замри!

От неожиданности я подпрыгнула в своем убежище, едва не приложившись затылком о кровать. А через мгновение ученик мага в очередной раз откинул простыню, предлагая мне выбраться наружу.

Я почти не удивилась, увидев замершего в знакомой неподвижности конюха. Он стоял по центру комнаты, уставившись пустыми глазами куда-то в окно.

– Что, его тоже будешь целовать? – язвительно предложила я. – Надо же как-то узнать, кто его сюда отправил.

– Целовать его? – Фабион скривился с отвращением. – Не думаю, что это хорошая идея. Тем более что его никто сюда не отправлял. Он пришел сам.

– Да неужели? – Я нахмурилась. – То есть он действительно верит, что я и моя мать – ведьмы?

– А вот эту мысль ему в голову вложили, – мягко ответил Фабион. – И я почти уверен, что знаю, кто это сделал.

– Почти? – Я расплылась в пакостливой улыбке. – То есть целовать тебе его все же придется, не так ли? Иначе как ты узнаешь наверняка?

– Ты так хочешь, чтобы я еще кого-нибудь поцеловал? – вопросом на вопрос ответил Фабион.

Посмотрел на меня в упор – и улыбка медленно сползла с моих губ. Кажется, я все-таки сумела его разозлить. И ученик мага медленно двинулся ко мне, печатая каждый шаг.

– Ты чего? – на редкость противно пискнула я, не на шутку испугавшись. Н-да, всегда знала, что язык мой – враг мой. Все-таки на некоторые темы лучше не шутить. И я принялась пятиться, не сводя взгляда с непроницаемого лица Фабиона. – Да ладно, не злись. Я же так, не подумав брякнула.

– Ну почему же, если твою идею немного исправить, то она вполне меня устроит. – Фабион чуть скривил уголки губ. – Все, что мне было нужно, я от Иргана узнал. Но в этой комнате присутствует еще одна личность, которая весьма успешно скрывает от меня свои мысли. Что лукавить, в них бы я заглянул с огромнейшим удовольствием.

– И кто же эта личность? – пробормотала я, уже догадываясь, каким будет ответ.

Сделала еще один шаг и уперлась спиной в стену, которая остановила мое отступление. Попыталась было уйти в сторону, но Фабион резко выбросил руку, преграждая мне путь. Теперь он стоял так близко от меня, что его дыхание касалось моих губ.

– А ты догадайся. – Даже несмотря на темноту, было видно, что он улыбается. Фабион провел тыльной стороной ладони по моему лицу, убирая распущенные волосы назад. – Я хочу быть уверенным, что не помогаю ведьме.

– Ты ведь и сам знаешь, что ни я, ни моя мать...

Я не успела договорить. В следующий миг он нагнулся и поцеловал меня. Прикосновение его прохладных, чуть обветренных губ было легким, почти невесомым, но колени у меня сами собой подогнулись. Наверное, я бы упала, если бы он не обнимал меня.

В висках шевельнулась и тут же пропала боль. И Фабион слегка отстранился, продолжая сжимать меня в своих объятиях.

– Нет, ты не ведьма, – пробормотал он. – Однако мне надо убедиться. У меня нет права на ошибку...

И опять потянулся меня поцеловать. Но в этот раз я была уже готова к подобному повороту событий, поэтому уперлась ладонями ему в грудь, заставляя остановиться.

– Негодяй, – прошептала я, сгорая от стыда за случившееся. – Немедленно прекрати! Не то я... я...

Я загнулась, не в силах придумать достаточно убедительной кары за его недопустимый поступок. А Фабион негромко рассмеялся, изрядно позабавленный моей неумелой попыткой угрозы, легко поборол мое слабое сопротивление и опять прильнул к моим губам. Однако не учел, как сильно меня разозлило такое нахальство. Я сделала вид, будто вновь обомлела от его прикосновения, дождалась, когда он потеряет бдительность и немного ослабит свою хватку, после чего с величайшим наслаждением пнула ему по колену и со всей дури оттолкнула. Фабион отлетел в сторону, едва не грохнувшись на пол, но каким-то невероятным образом остался на ногах.

– Сволочь! – прошипела я. – Мерзавец! Да я отцу пожалуюсь, и он с тебя семь шкур прикажет спустить! Как ты посмел?!

– Тебе не понравилось? – разочарованно спросил Фабион, с болезненной гримасой растирая место удара.

– Нет! – солгала я и гордо задрала подбородок. – И вообще, приличные девушки...

– По ночам не заходят украдкой в мужские спальни, – парировал Фабион, закончив фразу за меня. Шутливо поднял руки, показывая, что сдается, когда я вскинулась продолжить спор. – Все, хватит, Катарина! Прости, если обидел тебя, но глупо было упускать такой удобный шанс. Если хочешь – надаешь мне пощечин позже, когда не будет опасности перебудить ссорой весь дом. Договорились?

Я хмуро кивнула, принимая эти условия. Действительно, я выбрала несколько неудачное время и место для выяснения отношений. Если меня застанут в комнате Фабиона, то стыда не оберешься.

– Ну и что ты узнал от Иргана и Ольгетты? – поинтересовалась я, переведя взгляд на Иргана, неподвижно высящегося в серебряных лучах луны. – Кто их сюда послал?

– Ирган, как я уже говорил, пришел сам. – Фабион тоже посмотрел на конюха. – Но идею о том, что ты и твоя мать – ведьмы, ему на самом деле подкинули. Это не так уж сложно. Пара намеков, один разговор по душам, капелька внушения. Любой, даже начинающий маг провернул бы это без особого труда. А тут обошлось вообще без колдовства.

– Получается, тот, кто отправил к тебе Ольгетту с кучей гадостей про меня, и тот, кто нарасказывал Иргану бредни о моей матери, – разные люди? – переспросила я.

Фабион бросил на меня быстрый изумленный взгляд.

– Как ты догадалась? – поинтересовался он.

– Ну ты же сам сказал. – Я пожалала плечами. – В случае с Ирганом обошлось без заклинаний, а Ольгетта пришла к тебе, будучи под какими-то чарами. И потом, как-то странно отправлять к тебе сразу двух слуг примерно в одно время. А если бы они столкнулись в коридоре?

– А мне нравится ход твоих мыслей. – Фабион довольно кивнул. – Быстро соображаешь. Может быть, сама расскажешь, кто же на самом деле настолько ненавидит тебя и твою мать?

– Управляющий? – неуверенно предположила я. – Сегодня вечером ему сильно досталось. Он мог испугаться, что матушка его уволит за подвиги в прошлом, и решил нанести упреждающий удар.

– Тиан Гальвар, вне всякого сомнения, весьма занимательная личность. – Фабион глубоко вздохнул. – Но к убийству Ималии и исчезновению Ельгии он не имеет никакого отношения.

– Откуда такая уверенность? – фыркнула было я, но тут же осеклась, вспомнив, что вечером у Фабиона была масса возможностей заколдовать Гальвара и как следует расспросить его.

Они ведь не меньше часа обыскивали дом. Мой новый приятель вполне мог заманить управляющего в какую-нибудь комнату и применить магию, чтобы развязать ему язык.

– Тогда кто? – упрямо поинтересовалась я.

Фабион почему-то не торопился ответить на мой вопрос. Он отошел к окну и уставился на что-то во дворе, крепко сжав за спиной руки.

– Нет... – недоверчиво протянула я в его напряженную спину. – Только не говори, что это мой отец. Я ни за что не поверю! Этого просто не может быть!

– Я и не говорю, – отозвался Фабион. Помолчал немного и добавил совсем тихо, словно надеясь, что я не расслышу его слов: – Это ты сказала, а не я.

Я опустила на кровать и с приглушенным стоном принялась массировать виски, в которых после признания Фабиона поселилась непонятная свинцовая усталость.

– Зачем это отцу? – прошептала я, пытаясь сосредоточиться и хоть немного упорядочить все факты, которые узнала. – Он ведь любит и меня и маму.

Фабион что-то неразборчиво буркнул себе под нос. Затем негромко спросил, неохотно повернувшись ко мне, но глядя себе под ноги:

– Ты знаешь что-нибудь о моем семействе или, быть может, слышала когда-нибудь о моем дяде?

– Марко Шаорраше? – на всякий случай уточнила я. Фабион как-то странно вздрогнул при этом имени, и я сбивчиво продолжила: – Нет, если честно, я сегодня впервые о нем услышала. Впрочем, как и о самом существовании рода Шаорраш. И ты прекрасно об этом знаешь. Или хочешь сказать, еще не понял, зачем я пришла к тебе?

– Ты остаешься загадкой для меня, – задумчиво произнес Фабион. – Что весьма меня раздражает, если честно. Твои мысли слишком темны и неопределенны. Нет, поцелуй, конечно, дал мне ответы на некоторые вопросы, но, увы, далеко не на все. Будь у меня чуть больше времени...

– Вздумаешь повторить – разобью тебе нос! – пригрозила я, воинственно сжав кулаки.

– Ну-ну. – Фабион опустил голову, пряча улыбку в тени, но не стал развивать столь опасную тему. Вместо этого он продолжил намного серьезнее: – Катарина, мое семейство относится к младшей ветви королевского рода. Вероятно, чисто гипотетически, кто-нибудь из моих родственников даже мог бы претендовать на престол. Но никогда не будет.

– Почему?

– У нас другая задача. – Фабион нервно хрустнул пальцами. – Трон не может принадлежать магу. И даже не спрашивай почему. Просто некоторым пророчествам принято верить. – После чего сделал паузу и искоса глянул на меня, словно ожидая, что я ослушаюсь и все-таки начну ненужные расспросы. Однако я молчала, напряженно ловя каждое его слово. Безумно интересно! Фабион тяжело вздохнул и продолжил, скривившись при этом как от сильной боли: – Как ты наверняка уже поняла, маги в моей семье – самое обычное дело. Помимо этого мы из-за ряда некоторых особенностей обладаем абсолютной невосприимчивостью к темному колдовству. Нас нельзя проклясть или сглазить. Любое создание нижнего мира отравится нашей кровью, если вздумает полакомиться ею. Собственно, именно поэтому наш род принимает участие во всех делах, так или иначе связанных с последователями Темного близнеца. Ну, естественно, мало-мальски серьезных. Нельзя же контролировать все на этом свете.

– Не понимаю, – настороженно протянула я. – То есть ты прибыл в наши края не из-за некроманта, который вздумал убить мою мать. Верно? Получается, кто-то донес твоему дяде о том, что в нашей семье творятся странные дела. Не думаю, что этот мерзавец осмелился лично заявиться со смехотворным обвинением. Скорее, прислал анонимку с кучей отвратительных слухов о моей матери.

– А это ты как узнала? – с глухим раздражением спросил Фабион.

– Ну... – Я немного растерялась. – По-моему, это проще простого. Ты сам только что сказал, что твой дядя не занимается пустяковыми делами. Сам признался, что некромант, устроивший ритуал на той поляне, явно новичок в запретном колдовстве. И потом, сдается, ты был

весьма удивлен, когда узнал о болезни моей матери и нашел ее медальон на месте проведенного обряда. И то отвращение, которое возникло у тебя на лице, когда ты узнал, к какому роду я принадлежу... Разве не очевидно, что тебя прислали в первую очередь проверить мою семью на причастность к служению Темному близнецу? Хм...

На этом месте я запнулась, погрузившись в раздумья. Если все мои рассуждения верны, а в этом, судя по крайне недовольной физиономии Фабиона, вроде бы не приходится сомневаться, то получается, что Ольгетту и Иргана в комнату ученика мага прислал тот же, кто отправил анонимный донос Марко Шаоррашу. Кто-то, кто очень сильно ненавидит мою мать и меня заодно. Не понимаю, почему тогда он пытался известить матушку при помощи ритуала некромантии? Намного проще было дожидаться, когда придет посланник Марко для расследования, и подбросить к ней в комнату достаточные для обвинения улики. Затяжная болезнь, напротив, в какой-то мере оправдывает матушку. И уж тем более далеко не на руку загадочному злоумышленнику сыграл медальон, оставленный на поляне после прерванного обряда. Выходит, в деле замешаны как минимум два человека, по какой-то причине ненавидящие матушку. Один намеревается ее убить посредством некромантии, другой же распускает про нее гадкие сплетни и пытается добиться ее заключения в тюрьму по смехотворному обвинению в колдовстве на крови. Ничего не понимаю!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.